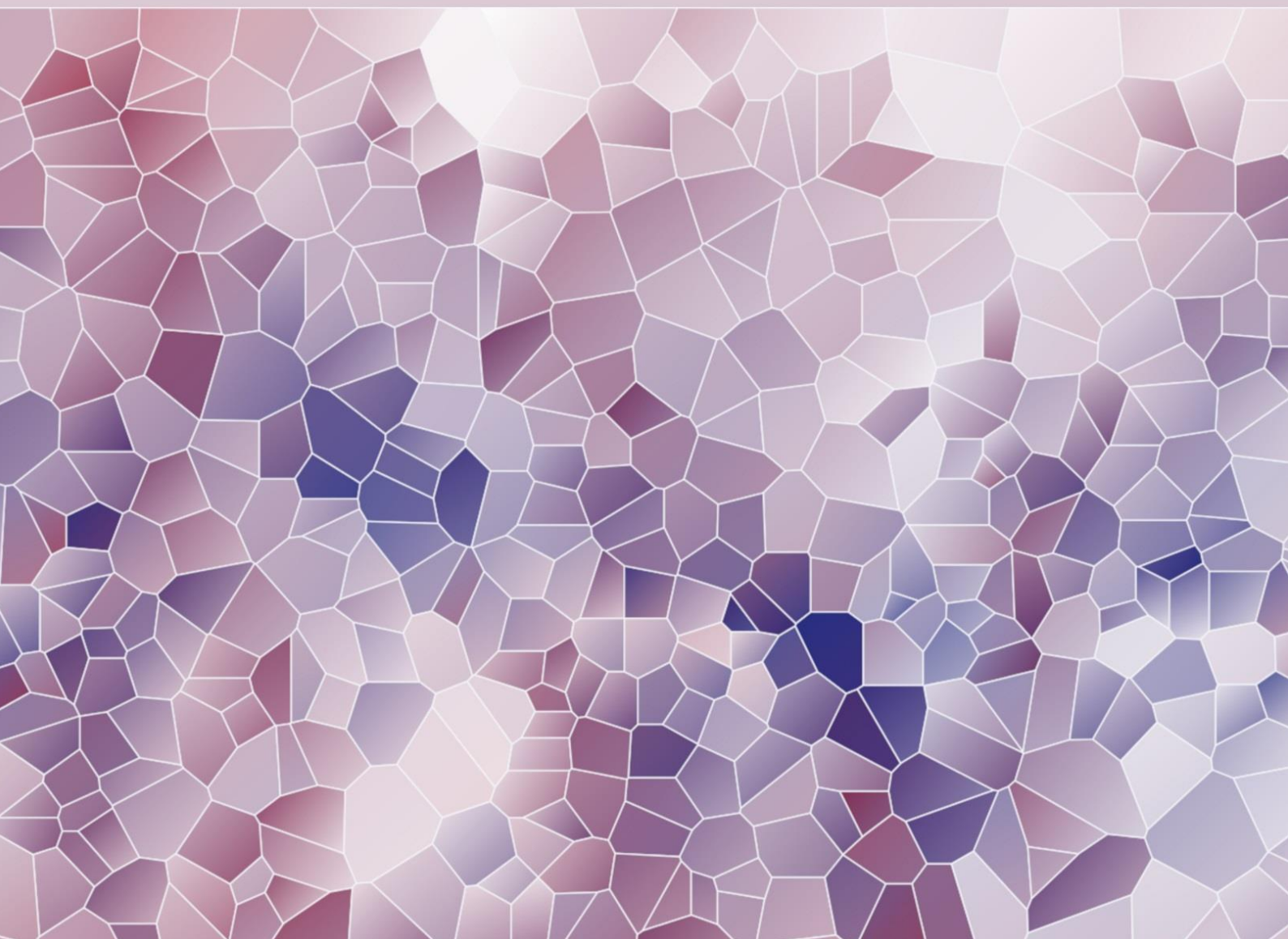


Россия и Азия

№ 1 (23), 2023

russia-asia.org



Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 1 (23), 2023 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Динамики мировой экономики профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

Смирнов Е. Н. Эволюция триггеров хрупкости мировой экономики в условиях кризиса	6
Филькевич И. А., Ван Ю. Стратегия развития международного бизнеса: продвижение белорусской компании на китайский рынок	18
Рытова Н. С. Компаративный анализ развития кабельной промышленности и оптоволоконного рынка России и Китая как инструмента цифровой трансформации	25

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

Бяшарова А. Р. «Зеленая повестка» в арабских странах Западной Азии и современные вызовы	37
Салах Эль Дин М. С. Международный туризм в Узбекистане и перспективы развития	45
Нуар Мохамед Амин Экономика Алжира и роль углеводородных ресурсов	53
Яндиев М. И. О несовершенстве государственных программ города Москвы: критические выводы и предложения по совершенствованию	60

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Шкваря Л. В. Совет Экономической Взаимопомощи: уроки для современности?	66
---	-----------

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

Smirnov E. N. Evolution of triggers of fragility of the world economy in a crisis	6
Filkevich I. A., Van Yu. International business development strategy: promotion of the Belarusian company to the Chinese market	18
Rytova N. S. Comparative analysis of the development of the cable industry and the fiber-optic market of Russia and China as a tool of digital transformation	25

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

Byasharova A. R. The “Green Agenda” in the Arab countries of Western Asia and modern challenges	37
Salah El Din M. S. International tourism in Uzbekistan and development prospects	45
Nouar Mohamed Amine Algeria's economy and the role of hydrocarbon resources	53
Yandiev M. I. On the imperfection of the state programs of the city of Moscow: critical conclusions and suggestions for improvement	60

ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Shkvarya L. V. Council of Mutual Economic Assistance: lessons for modernity?	66
--	-----------

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

Эволюция триггеров хрупкости мировой экономики в условиях кризиса

Смирнов Евгений Николаевич¹

Статья посвящена анализу ключевых аспектов эволюции сигналов нестабильности мировой экономики, которая наблюдается в последние полтора десятилетия. Особый акцент сделан на пандемии коронавируса, ставшей мощным кризисом, обусловившим негативную реакцию мировой экономики на экзогенные шоки. Цель статьи — выявление особенностей современного кризиса мировой экономики и его основных характеристик. Научная новизна исследования заключается в том, что автором обобщены последствия глобального кризиса на развитие домохозяйств, корпоративного сектора и межстранового неравенства. Обосновано, что глобальное неравенство усилилось, как и уровень бедности в мире. Установлено, что нынешний кризис в большинстве стран не соответствовал типичным циклическим проявлениям. Проведена оценка перспектив экономического роста глобального хозяйства вследствие тех множественных неопределенностей, которые сложились в последние годы. Автор приходит к выводу о том, что сегодня в мировой экономике риски выше и менее прогнозируемые, а адаптация менее успешна. Особенно это касается развивающихся стран.

Ключевые слова: *глобальный кризис, мировая экономика, экономический рост, неравенство, домохозяйства, корпоративный сектор.*

JEL коды: *E20, E30, E32, F01, F51.*

Введение

Усиление нестабильности мировой экономики стало отчетливо проявляться с начала пандемии коронавируса, которая быстро переросла в глобальный экономический кризис, и страны приняли ряд беспрецедентных мер, в основном в форме карантинных ограничений, серьезно повлиявших на экономическую активность на планете. Ответной реакцией стало резкое сокращение доходов бизнеса, домохозяйств и занятости в мировой экономике. При этом, как отмечает Всемирный банк (World Bank, 2022b, p. 26), несоразмерно сильно пострадали уязвимые группы населения, бедные домохозяйства и малые предприятия, тогда как впервые за поколение возросла глобальная бедность.

Глобальный кризис характеризовался особенной серьезностью размахом и масштабами. В 2020 г. в 90% стран наблюдалось снижение объема производства, а мировая

¹ *Смирнов Евгений Николаевич* — доктор экономических наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений Государственный университет управления, Москва, Россия.

экономика в целом сократилась на 3%. Доля стран, которые столкнулись с отрицательным ростом производства, превысила аналогичный показатель в периоды Великой депрессии и Второй мировой войны. Для нынешнего глобального кризиса были характерны неизбирательные последствия. Глобальные экономические кризисы, наблюдавшиеся после Второй мировой войны, в основном неравномерно затрагивал разные группы стран. Хотя глобальный кризис 2008–2009 гг. называется финансовым, в первую очередь он коснулся развитых стран, а развивающиеся государства, поддерживаемые быстрым ростом в Китае и высокими мировыми ценами на сырье, пострадали в результате кризиса гораздо меньше. В итоге в разгар кризиса, в 2009 г., объем производства снизился лишь в 63% стран, а мировая экономика сократилась на 2,2%, что намного меньше 1-го года пандемии (World Bank, 2011).

Несмотря на то, что нынешнюю пандемию сравнивали с пандемией испанки 1918 г., в эти 2 периода нельзя сопоставлять глобальные экономические условия, поскольку в то время производство было ориентировано на военные действия. Также наблюдаются резкие отличия мер в области экономической политики и в сфере здравоохранения в эти два кризиса.

Все же следует отметить уникальность коронакризиса по своему происхождению и природе, поскольку, в отличие от большинства кризисов последнего столетия, нынешний кризис возник не как финансовый или долговой. Напротив, кризис стал следствием экзогенного события, вызвавшего одновременный шок спроса и предложения. Кризисы, наблюдавшиеся в 1980-х гг., напротив, детерминированы финансовой нестабильностью и проблемами с государственным долгом в развивающихся странах, а кризис 2008–2009 гг. — финансовыми затруднениями и «пузырями» активов в развитых странах. Таким образом, нынешний кризис в большинстве стран не соответствовал типичным циклическим проявлениям, когда за длительным ростом следует спад, когда заемщики не могут больше платить по ранее принятым обязательствам. Когда возникла пандемия, для экономик большинства стран не был характерен устойчивый рост. Вместе с тем, не начавшись как финансовый или долговой, нынешний кризис может стать таким, поскольку во время пандемии странами были накоплены большие государственные и частные заимствования.

Кризис существенно повлиял на занятость и доходы домохозяйств. Данные по 51-й стране демонстрируют, что 57% компании в течение первых 2-х кварталов пандемии сократили занятость, что негативно отразилось на доходах домохозяйств (Apedo-Amah et al., 2020, p. 8). По опросам, в странах со средним уровнем дохода более 1/3 работников прекратили работу, а 64% домохозяйств испытали сокращение доходов (Bundervoet, Dávalos, García, 2021, p. 3). Данный эффект воздействия занятости на доход усилился ввиду резкого снижения денежных переводов в этих странах, что коснулось свыше 60% домохозяйств. Вместе с тем, глобальные потоки денежных переводов в 2020 г. снизились всего на 1,6%, и частично это объясняется переключением мигрантов с неформальных на цифровые каналы денежных переводов в условиях ограничения мобильности (более подробно об этом см.: (World Bank, 2021c). В совокупности экономический шок затруднил бедным домохозяйствам применение альтернативных механизмов распределения рисков (например, неофициального кредитования).

Впервые за поколение произошло увеличение бедности, которая в последние 3 десятилетия росла дважды (кроме пандемии — еще во время азиатского финансового кризиса). Глобальный кризис 2008–2009 гг. не увеличил бедность в мире, так как его последствия ощущали преимущественно развитые страны. Трудно пока определить последствия нынешнего кризиса для бедности, однако некоторые оценки показывают, что

его воздействие будет беспрецедентно негативным. Согласно некоторым исследованиям, 85% роста подушевого валового внутреннего продукта (ВВП на душу населения) приходится на доходы домохозяйств (Lakner et al., 2020, p. 11). Если рассматривать тренды изменения глобальной бедности в 2015–2021 гг., то до пандемии ожидалось, что 635 млн человек в 2020 г. будут жить в состоянии крайней нищеты, а после ее начала прогнозируемое число бедных увеличилось до 732 млн. Таким образом, число людей, ставших бедными из-за пандемии, оценивается в 97 млн человек. Таким образом, пандемия замедлила глобальный прогресс в сокращении бедности почти на 5 лет, что делает недостижимой цель искоренения крайней нищеты к 2030 г. Если страны вернуться к прежним (нормальным) темпам роста, в 2030 г. 6,7% населения мира будет жить за чертой бедности, что более чем в 2 раза выше целевого уровня в 3% (World Bank, 2020e, p. 6). Для достижения цели потребуется, чтобы экономика стран Африки, например, росла на 8% в год, что в 5 раз превышает ее текущие темпы роста.

Влияние кризиса на домохозяйства

Кризис оказал весьма регрессивное влияние на домохозяйства в отдельных странах. В 2020 г. ВВП больше снижался в странах с более высоким уровнем дохода, однако если брать абсолютный показатель ВВП, то 97% беднейших стран потеряли 5% своего ВВП (Deaton, 2021, p. 3). Эти данные, однако, не отражают полной картины, так как многие домохозяйства развивающихся стран заняты в неформальном секторе и влияние пандемии на них оценить труднее (поэтому, возможно, воздействие пандемии здесь недооценено). 90% тех, кто стал бедным вследствие кризиса, проживает в странах с доходом ниже среднего или с низким уровнем дохода. В 2019–2021 гг. доход беднейших 40% уменьшился на 2,2%, тогда как доход 40% самых богатых снизился лишь на 0,5% (Yonzan, Lakner, Mahler, 2021). Измеряя неравенство по показателю ВВП на душу населения, было обнаружено, что этот показатель снижался более значительно в странах с более высоким уровнем дохода (для анализа им были использованы данные Всемирного банка (World Bank, 2020c; World Bank, 2021b)). В то же время, страны с низким уровнем дохода чаще испытывали потери продовольственной безопасности и дохода, в них перебои занятости были более выражены, чем в странах с высокими доходами. Восстановление было неравномерным в разных странах, при этом в развитых государствах ситуация складывалась лучше, чем в развивающихся. Даже если сделать предположение о нейтральном воздействии пандемии на распределение доходов, то можно констатировать, что в 2021 г. 20% самых богатых людей в мире возместили примерно 1/2 потерь своих доходов за 2020 г, тогда как 20% людей с самым низким доходом потеряли еще 5% своих доходов (Yonzan, Lakner, Mahler, 2021). На глобальном уровне воздействие пандемии на неравенство внутри стран еще не оценено окончательно, однако вероятно, что оно усилится. При такой динамике влияние кризиса на глобальную бедность будет еще более негативным.

Также коронакризис усилил гендерное неравенство. Женщин чаще, чем мужчин, увольняли во время пандемии (по данным одного из опросов — 42% женщин против 31% мужчин) (Bundervoet, Dávalos, García, 2021, p. 7). Женщины пострадали больше, поскольку были в большей степени заняты в секторах, затронутых пандемией.

Уже в начале кризиса многие домохозяйства стабильно испытывали финансовые затруднения. Одна закономерность является общей для всех развитых и развивающихся стран: очень мало домохозяйств имеет ресурсы, чтобы пережить существенную потерю

дохода больше, чем в течение нескольких месяцев. Это обстоятельство демонстрирует высокую значимость экстренных трансфертов для домохозяйств, которые столкнулись с длительными и крупными потерями дохода. На интуитивном уровне понятна возможность адаптации домохозяйств к скачкам доходов, например, за счет сбережений, либо посредством минимизации расходов при оплате базовых услуг, продуктов питания и жилья. Таким образом, домохозяйство может хотя бы краткосрочно поддерживать потребление, используя собственные ликвидные активы.

Эксперты проанализировали долю домохозяйств (из 24 стран из разных групп), устойчивость которых к потере дохода в течение 3-х месяцев, 6-ти месяцев и 1 года (Badarinza, Balasubramaniam, Ramadorai, 2019). В развивающихся странах 50% домохозяйств не способны поддерживать базовое потребление свыше 3-х месяцев, тогда как в развитых странах — 40%. Однако, если брать долю домохозяйств, которые не могут обеспечивать себя более 1-го года, то как в развитых, так и в развивающихся странах такие домохозяйства составляют 70%. Аналогично оценивается эффективность разных мер реакции на кризис, т. е. того, насколько субъекты хозяйствования противодействуют потере доходов домохозяйств, повышая их устойчивость. Результаты одного из исследований показывают, что, если все выплаты домохозяйств по долгам будут приостановлены в соответствии с законом, устойчивость домохозяйств повысится лишь незначительно в развитых странах, тогда как в развивающихся странах она не изменится.

Получается, что в качестве инструмента политики облегчение долгового бремени неэффективно, поскольку в развивающихся странах богатые (устойчивые) домохозяйства могут получить доступ к официальному кредитованию. Таким образом, облегчение бремени долга неблагоприятно для распределения, поскольку приносит пользу лишь состоятельным домохозяйствам, тогда как расходы на реализацию политики (в виде налогов) несет все население. Аналогично, если бы домохозяйства ликвидировали, например, свои пенсионные счета, это будет иметь краткосрочный эффект в развитых странах и не иметь никакого эффекта в развивающихся странах. Неудивительно, что прямая поддержка дохода резко снижает уязвимость домохозяйств во всех группах стран, и в этой связи Всемирный банк подчеркивает важную роль крупных денежных трансфертов, используемым в разных странах для поддержки домохозяйств в период кризиса (World Bank, 2022b, p. 32–33).

Влияние кризиса на корпоративный сектор

Помимо домохозяйств, кризис серьезно затронул и корпоративный сектор. Вследствие карантинных ограничений наблюдалось резкое сокращение доходов компаний. Опросы более чем 100 тыс. предприятий во всем мире наглядно демонстрируют, что на пике 1-й волны пандемии закрылось 70% компаний, а 84% компаний анонсировали снижение доходов. В среднем снижение выручки на этапе 1-й волны карантинных ограничений зафиксировали 51% предприятий, а через 4 месяца после прохождения пика пандемии это снижение по-прежнему составляло 40% по сравнению с предыдущим годом. 46% компаний на ранней стадии пандемии имели просроченную задолженность по кредитам, заработной плате или поставщикам на ближайшие полгода. 57% опрошенных компаний сократили занятость (World Bank, 2021a). Воздействие пандемии на компании выразилось, по меньшей мере, в следующих аспектах:

1. Последствия для неформального и малого бизнеса. Как и в случае домохозяйств, наблюдалось регрессивное влияние кризиса на бизнес, и в большей степени пострадали неформальные и малые предприятия, а также те, доступ которых к официальному кредитному рынку был более ограниченным. Это было характерно даже для развитых стран (например, в США у малого бизнеса резерв наличности, по оценкам, не превышает 15 дней) (Federal Reserve Bank of New York, 2021). Поэтому даже прибыльные компании в период кризиса имеют риск столкновения с неплатежеспособностью и просроченной задолженностью. Кроме того, исследователи указывают на усугубление гендерного разрыва вследствие временно закрытия предприятий (Torres et al., 2021, p. 10). Наиболее пострадавшие от первоначального шока компании столкнулись и с большими трудностями в 2021 г., когда началось восстановление.

2. Сохранение экономической неопределенности, которое также серьезно повлияло на экономическую активность бизнеса, даже невзирая на реализацию масштабных государственных программ по его поддержке. Уникальность пандемии обусловила более сильную неопределенность, нежели обычный экономический спад, что, вероятно, связано со значительным сокращением занятости в компаниях. Даже после постепенного устранения рисков пандемии, в долгосрочной перспективе неопределенность в сфере восстановления доходов компаний будет ограничивать создание рабочих мест, а также инвестиции и доступность кредитов.

3. Рост уязвимости балансов компаний. Финансовые риски для корпоративного сектора стали очевидными уже с самого начала пандемии, что особенно проявилось в развивающихся странах, где процентные ставки на протяжении длительного времени обусловили кредитный бум и существенное повышение долгов компаний. Еще до кризиса многие компании из этих стран уже боролись с проблемами, связанными с погашением краткосрочных обязательств и неприемлемым долговым бременем. В то же время моделирование стресс-тестов, проведенное В. Ачарья и др. на основе данных корпоративных балансов до кризиса, показало, что именно пандемия подтолкнула большинство компаний к банкротству (Acharya et al., 2015). Ряд финансовых рисков, накопленных компаниями развивающихся стран, отчетливо проявился именно в период кризиса. П. Ботелье особо отмечает, что в секторе недвижимости этих стран проблемные активы стали демонстрировать ситуацию, когда «кредитные пузыри», накопленные во время динамичного экономического роста, могут привести к нестабильности в случае наступления неблагоприятного и непредвиденного шока (Bottelier, 2010). Такое явление отнюдь не уникально и было характерно для предыдущих кризисов, в частности, глобального кризиса 2008–2009 гг.

Наконец, следует отметить, что в развивающихся странах риски для компаний усугубились существенным ростом долларового долга в последнее десятилетие. В этот период низкие процентные ставки в развитых странах побуждали компании брать займы не в национальной, а в иностранной валюте, как это описывают В. Бруно и Х. Шин (Bruno, Shin, 2017, p. 705). Валюты многих развивающихся стран с начала пандемии начали испытывать давление, что создало проблемы для компаний со значительным накопленным долларовым долгом, которые стало все сложнее обслуживать, поскольку доходы заемщиков, номинированные в национальной валюте, упали. Вероятно, что в нынешних условиях подверженность валютному риску обострится, что еще больше может ослабить валюты развивающихся стран.

Последствия коронакризиса для финансового сектора: глобальный аспект

С другой стороны, последствия коронакризиса для финансового сектора, в отличие от его влияния на компании и домохозяйства, были сдержанными вследствие масштабных программ экстренной поддержки и смягчения условий для заемщиков, предотвративших массовые невыплаты по кредитам. Однако такая практика опустошила ресурсы многих стран, таким образом как бы маскируя долгосрочные риски для них. В перспективе финансовые учреждения всего мира могут испытать значительный стресс ввиду сокращения мер поддержки, включая моратории на выплаты кредитов, для заемщиков. Наблюдается рост числа дефолтов по кредитам даже в странах со средним уровнем дохода

Готовность национальных финансовых секторов к решению текущих проблем существенно различается в разрезе стран. Ряд стран, существенно пострадавших от кризиса 2008–2009 гг., провели масштабные реформы и усилили капитализацию банковских систем. Как следствие, банковские сектора этих стран оказались в большей степени подготовленными к коронакризису. Однако тот кризис затронул преимущественно развитые страны, и развивающиеся государства таких реформ не проводили, поэтому их финансовые секторы оказались не готовы к противостоянию масштабам коронакризиса. В некоторых странах в предкризисные годы нарастало кредитование в частном секторе и увеличивалась роль финансового посредничества, и они оказались слабо подготовленными к масштабам коронакризиса, что еще больше ограничило инвестиционные возможности этих стран на этапе восстановления. Так, Всемирный банк, в частности, отмечает, что в развивающихся странах регулятивный капитал (который банки держат, чтобы защитить свои балансы в случае наступления убытков по кредитам) почти не изменился после кризиса 2008–2009 гг. (World Bank, 2020d, p. 89). Так же и отношение долга к активам у банков, которое показывает более высокий риск, возросло для малых банков и в целом для банков развивающихся стран.

Во многих развивающихся странах высокая доля государственной собственности в банковском секторе, нерациональные государственные кредитные программы и финансовые репрессии (например, требования к финансовым учреждениям держать госдолг) усугубляют нестабильность в финансовом секторе. Озабоченность также вызывает быстрый рост кредитования со стороны небанковских финансовых учреждений, а также их связи с банками в развивающихся странах. Совет по финансовой стабильности указывает, что на долю небанковских структур в 2020 г. пришлось 14,2% от совокупного объема финансовых активов 29 юрисдикций (FSB, 2020, p. 27). Для небанковских кредиторов часто характерны более высокие, чем у банков, кредитные риски, однако небанковские структуры менее регулируемы, в связи с чем имеют риск накопления больших скрытых рисков, угрожающих финансовой стабильности. Развивающиеся страны постепенно осознают это и принимают конкретные меры. Например, Индия с октября 2022 г. ввела нормативно-правовое регулирование небанковских кредиторов.

Влияние кризиса и контрмеры

Влияние кризиса на доходы компаний и домохозяйств проявлялось по многим каналам, отражая взаимосвязь между финансовым состоянием правительств, финансовых

учреждений, компаний и домохозяйств. Поскольку эти взаимосвязи усиливались, то риски, проявлявшиеся в одном секторе, быстро перетекали в другой, парализуя его работу. Так, по мере ухудшения состояния заемщиков (компаний и домохозяйств) возрастал риск не возврата кредитов, создавая риски для уже финансовых учреждений. Когда росла стоимость обслуживания суверенного долга и само тело долга, снижались возможности государства по поддержке компаний и домохозяйств. Однако четко проработанные меры политики могли эффективно нарушить эти взаимосвязи. Так, после введения карантинных ограничений правительства перешли к поддержке заемщиков посредством прямых денежных трансфертов, гарантий по кредитам и мораториев на погашение задолженности. Эти меры обеспечивали поддержку, предотвращая невозврат кредитов и банкротства, которые могли оказать негативное влияние на финансовые учреждения. В перспективе необходимо четче оценивать долговое бремя компаний и домохозяйств на предмет его экономической приемлемости.

Также регулирующие органы разработали инструменты помощи учреждениям финансового сектора, снижая процентные ставки, обеспечивая рынок ликвидностью, продолжая финансирование компаний и домохозяйств, а также расширяя доступ к механизмам рефинансирования. В некоторых развивающихся странах ликвидность в банковскую систему вливалась за счет соглашений об обратном выкупе ценных бумаг (сделки РЕПО), поддержанных правительствами, что позволило уменьшить ставку по новым кредитам (также широко использовали программы скупки активов). Такие программы в период кризиса, обусловленного пандемией, были приняты 27 развивающимися странами. Подобные мероприятия ставали своей задачей финансовую стабилизацию и насыщение рынка ликвидностью, однако экономическое положение заемщиков фундаментально не изменялось. Поэтому необходимо усилить понимание роли банковских учреждений в финансировании инвестиций и потребления.

Помимо прочего, необходимы меры политики по нейтрализации риска высокого государственного долга, чтобы расширить возможности правительств по смягчению последствий кризиса для компаний и домохозяйств. Высокий долг государства ограничивает новые госрасходы по прямой поддержке компаний и домохозяйств, а также капиталовложения в системы социальной поддержки и общественные блага, что предотвращает рост бедности. Как указывает Всемирный банк, важное условие «справедливого» восстановления — снижение уровня госдолга и рациональное управление им (World Bank, 2022b, p. 4–5).

Специфика кризиса: дифференциация и углубление неравенства

Неодинаковые последствия кризиса по-разному отразились в разных странах и между ними. Результаты одного авторитетного исследования показывают, что по мере разрастания кризиса в 2020 г., оказалось, что многие компании и домохозяйства не могут справиться с таким масштабным и продолжительным падением доходов. По оценке Всемирного банка, свыше 50% домохозяйств в мире в 2020 г. не были в состоянии поддерживать свое базовое потребление более 3-х месяцев (в случае утраты доходов), а в среднем резервов компаний хватало, чтобы покрыть их расходы лишь в течение 51 дня (World Bank, 2022a).

Внутри стран кризис сильнее всего отразился на социально уязвимых группах: в 70% стран временная безработица в 2020 г. была выше у работников, имеющих лишь начальное

образование. Результаты одного исследования (более подробно см.: (Kugler et al., 2021, p. 24)) показывают, что разница в безработице между работниками с разными уровнями образования была статистически значимой в 23% стран. Т. Бундервоет, Э. Давалос и Н. Гарсия показывают на большую степень утраты доходов у самозанятых (непостоянно занятых), женщин и молодежи (Bundervoet, Dávalos, García, 2021). Женщины, например, пострадали больше, поскольку были в большей степени, чем мужчины, заняты в отраслях и секторах, затронутых карантинными ограничениями. Результаты исследования Всемирного банка показывают, что к июлю 2020 г. потеряли работу 31% мужчин, но 42% женщин (World Bank, 2020b).

Особенностью, отражающей специфику кризиса, связанного с пандемией, заключается в его более существенном влиянии на социально уязвимые группы. В связи с этим внутри стран наблюдалось углубление неравенства, которое не уменьшилось по мере дальнейшего ослабления карантинных ограничений. Эксперты Всемирного банка отмечают, что те группы, которые чаще остальных в начале кризиса теряли работу, так же медленно возвращались к нормальной жизни после кризиса (Agrawal et al., 2021, p. 2). В результате пандемия способствовала росту глобальной бедности, и происхождение этого роста оценивается в том числе на предположениях о внутристрановом неравенстве (Lakner et al., 2020, p. 20). В бизнесе наблюдалась аналогичная картина: с утратой доходов столкнулись прежде всего неформальные или малые компании, а также те, доступ которых к официальному кредитованию затруднен. Если на момент начала кризиса резервы крупных компаний позволяли им покрывать свои расходы в течение 65 дней, у средних компаний — 59, у малых — 53, у микропредприятий — 50 дней. К тому же, три последние группы преобладали в секторах, в большей степени затронутых локдаунами (бытовые услуги, розничная торговля, гостиничный и ресторанный бизнес), и они имели большой риск быть затронутыми сбоями в глобальных цепочках создания стоимости (ГЦСС), что затрудняло пополнение их товарно-материальных запасов. Также имеются данные, что пострадавшие компании столкнулись с задержками или удлинением сроков поступления платежей (European Payment Report, 2020, p. 10).

Это важно с точки зрения того, что в ряде стран неформальные предприятия обеспечивают высокую долю занятости и экономической деятельности в целом. Так, по оценкам Л. Медина и Ф. Шнайдер, в странах тропической Африки и Латинской Америки неформальная (теневая) экономика формирует 34% ВВП, в странах Южной Азии — 28% (Medina, Schneider, 2019, p. 19). По данным Международной организации труда (МОТ) (ILO, 2022), в Индии свыше 80 % работников занято в рамках теневой экономики.

Для развивающихся стран экономические последствия пандемии более серьезны: после того, как ВВП развитых стран на душу населения резко снизился в 2020 г., у 40% развитых стран объем производства в 2021 г. превысил аналогичный показатель 2019 г. В странах со средним уровнем дохода эта доля составила лишь 27%, а в странах с низким уровнем дохода — 21%.

Кризис продолжается, перспективы неопределенны?

На нынешнем витке кризиса, в 2022 г., произошло значительное замедление глобального роста, и экономические издержки нынешнего противостояния продолжают свое распространение по каналам международной торговли, что уже подтвердилось глобальным

воздействием роста мировых цен на энергоносители и продовольствие, и особенно уязвимыми становится беднейшее население в странах с низким уровнем дохода. После пандемии нынешняя нестабильность еще более усилила инфляцию и усугубила перебои с поставками, и инфляционное давление привело к ужесточению монетарной политики, ставшей более агрессивной. В результате в начале 2022 г. процентные ставки и волатильность цен на активы резко возросли, негативно отразившись на балансах корпораций и домохозяйств, инвестициях и потреблении. Стоимость фискальной поддержки также выросла, особенно в контексте риска удорожания заимствований. Все указанные изменения происходят намного быстрее, чем раньше.

В 2022 г. перспективы стали более неопределенными, поскольку инфляция может усилиться, а денежно-кредитная политика может стать еще более агрессивной, а жесткие финансовые условия обнажат долговую уязвимость заемщиков, провоцируя масштабный долговой кризис. Узкое пространство для маневра в фискальной политике многих стран, сложившееся после пандемии, может усугубить указанные негативные последствия. Рост геополитической напряженности угрожает многосторонней системе регулирования международных экономических отношений, сложившейся после Второй мировой войны. Антироссийские санкции уже сократили экономические связи между нашей страной и развитыми странами. В мире усиливается глобальная поляризация, выступающая в качестве ключевого барьера для международного сотрудничества, нацеленного на долгосрочное процветание.

После существенного восстановления в 2021 г. мировой экономики, в 2022 г. глобальный рост существенно замедлился. Перспективы развития мировой экономики, по оценке экспертов Международного валютного фонда (МВФ) (IMF, 2022, р. 2–4), будут определяться следующими ключевыми *детерминантами*:

а) СВО России, международные вторичные эффекты которой через мировые цены на сырье, финансовые связи и торговлю будут распространяться далеко за пределы Европы;

б) волатильность финансового рынка и ужесточение монетарной политики, наблюдавшиеся еще до начала специальной военной операции (СВО), что способствовало быстрому росту ставок для суверенных заемщиков из развитых стран. Ожидания ужесточения политики ведут к переоценке рисков и росту волатильности финансового рынка, дальнейшему ужесточению финансовых условий, бегству капитала в сторону качества. В России и ряде других стран возросли спреды по кредитным дефолтным свопам и суверенные спреды;

в) ограниченность фискального пространства, которое необходимо для восстановления резервов по мере удорожания заимствований.

По ранним оценкам, сокращение экономики Украины за 2022 г. составляет около 35%, и даже в случае завершения СВО разрушение физического капитала на многие годы затормозит нормальную хозяйственную деятельность. Перспективы для российской экономики также остаются неясными: наблюдается сокращение как потребления, так и частных инвестиций, что не может быть компенсировано мерами фискальной поддержки. В развивающихся странах значимыми факторами замедления роста останутся сбои в международной торговле и ослабление внутреннего спроса. В странах Европы существенно ухудшились условия их участия в международной торговле, особенно в тех государствах, которые в большей степени зависели от поставок энергоносителей из России.

На начало 2022 г. рост суверенных процентных ставок уже оказал давление на заемщиков ряда развивающихся стран. В настоящее время многие рынки характеризуются ростом спредов по суверенным и дефолтным свопам. Бегство капитала в безопасные убежища является риском для многих экономик. История свидетельствует о том, что быстрое повышение процентных ставок в развитых странах ведет к ужесточению финансовых условий для развивающихся стран. Внезапное финансовое ужесточение в США вызвало ряд негативных последствий для рынков капитала развивающихся стран, и эти последствия варьируются в зависимости от вовлеченности этих стран в торговлю США, а также объемов их долговых обязательств, номинированных в долларах. Страны, где уровень долга и потребности в финансировании выше, в большей степени уязвимы, и в них рост внутренней долгосрочной доходности преимущественно отражает рост премий за риск, превышающий воздействие повышения ставок.

Рекордная задолженность в период пандемии в нынешней ситуации делает развивающиеся страны в большей степени уязвимыми к росту процентных ставок. М. Гаспар, П. Медас и Р. Перелли полагают (Gaspar, Medas, Perrelli, 2021), что пандемия вызвала резкий рост госдолга, и в средней развивающейся стране он в 2021 г. достиг 60% ВВП (для сравнения: в период финансовой паники 2013 г. — лишь 40% ВВП). В странах с низкими доходами и меньшими возможностями по обслуживанию долга уровень долга по сравнению с 2013 г. удвоился. Рост стоимости заимствований увеличивает процентные расходы, создавая дополнительную нагрузку на бюджеты стран, затрудняя обслуживание задолженности. Валютные резервы по отношению к импорту, характеризующие возможности стран по погашению внешних займов, остаются сравнительно здоровыми, превышая уровни 2013 и 2018 гг., и особенно это заметно в странах с низким уровнем доходов, где это отношение (резервов к импорту) росло быстрее всего.

Следует отметить, что в нынешний цикл ужесточения развивающиеся страны вступают со значительными долговыми трудностями, характерными для 60% этой группы стран и также следует указать, что прошлые кризисные эпизоды наблюдались в период сохранения крупными развивающимися странами (в частности, Китаем) высоких темпов роста, что, как указывает МВФ, создавало благоприятные вторичные эффекты (IMF, 2022, p. 15). Нынешняя ситуация, напротив, развивается в условиях неопределенных перспектив роста, включая тот же Китай, а рост цен на сырье дополнительно делает чувствительными активы указанных стран к ухудшению настроений со стороны инвесторов.

Список литературы

1. Acharya V., Cecchetti S. G., de Gregorio J. Kalemli-Özcan Ş., Lane P. R., Panizza U. (2015) *Corporate Debt in Emerging Economies: A Threat to Financial Stability?* September, Centre for International Governance Innovation, Waterloo, Ontario; Brookings Institution, Wash., DC, 53 p.
2. Agrawal S., Cojocaru A., Montalva V., Narayan A. (2021) *COVID-19 and Inequality: How Unequal Was the Recovery from the Initial Shock?* World Bank, Wash., DC, 9 p.
3. Apedo-Amah M. C. Avdiu B., Cirera X., Cruz, M., Davies E., Grover A., Iacovone L., Kilinc U., Medvedev D., Maduko F. O., Poupakis S., Torres J., Tran, Trang T. (2020) *Unmasking the Impact of COVID-19 on Businesses: Firm Level Evidence from across the World / Policy Research Working Paper, No. 9434, World Bank, Wash., DC, 58 p.*

4. Badarinza C., Balasubramaniam V., Ramadorai T. (2019) The Household Finance Landscape in Emerging Economies // Annual Review of Financial Economics. Vol. 11. Pp. 109–129. DOI: 10.1146/annurev-financial-110118-123106
5. Bottelier P. (2010) Beijing's New Challenge: China's Post-Crisis Housing Bubble. Policy Outlook, July 1, Carnegie Endowment for International Peace, Wash., DC, 10 p.
6. Bruno V., Shin H. S. (2017) Global Dollar Credit and Carry Trades: A Firm-Level Analysis // Review of Financial Studies. Vol. 30 (3). Pp. 703–749.
7. Bundervoet T., Dávalos M. E., Garcia N. (2021) The Short-Term Impacts of COVID–19 on Households in Developing Countries: An Overview Based on a Harmonized Data Set of High-Frequency Surveys. Policy Research Working Paper, No. 9582, World Bank, Wash., DC, 35 p.
8. Deaton A. S. (2021) COVID–19 and Global Income Inequality. NBER Working Paper, No. 28392, National Bureau of Economic Research (NBER), Cambridge, MA, 19 p.
9. European Payment Report 2020: Special Edition *White Paper*, Intrum, Stockholm, 20 p.
10. Federal Reserve Bank of New York (2021). Open Market Operations during 2020. Federal Reserve Bank of New York, May. URL: https://www.newyorkfed.org/markets/annual_reports
11. FSB (Financial Stability Board) (2020) Global Monitoring Report on Non-Bank Financial Intermediation 2020. December 16, FSB, Basel, 91 p.
12. Gaspar M., Medas P., Perrelli R. (2021) Global Debt Reaches a Record \$226 Trillion. IMF blog, December 15. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/12/15/blog-global-debt-reaches-a-record-226-trillion>
13. ILO (2022) Informal Economy in South Asia. International Labour Organization (ILO). URL: <https://www.ilo.org/newdelhi/areasofwork/informal-economy/lang--en/index.htm>
14. IMF (2022) World Economic Outlook 2022: War Sets Back the Global Recovery. International Monetary Fund (IMF), Wash., DC, April, 178 p.
15. Lakner C., Gerszon Mahler D., Negre M., Beer Prydz E. (2020) How Much Does Reducing Inequality Matter for Global Poverty? Global Poverty Monitoring Technical Note, No. 3, World Bank, Wash., DC, 22 p.
16. Medina L., Schneider F. G. (2019) Shedding Light on the Shadow Economy: A Global Database and the Interaction with the Official One. CESifo Working Paper, No. 7981, Munich, 52 p.
17. Torres J., Maduko F., Gaddis I., Iacovone L., Beegle K. (2021) The Impact of the COVID–19 Pandemic on Women-Led Businesses. Policy Research Working Paper, No. 9817, World Bank, Wash., DC, 54 p.
18. World Bank (2011) Global Economic Prospects. Navigating Strong Currents. Vol. 2 International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, Wash., DC, 127 p.
19. World Bank (2020a) COVID–19 and Non-Performing Loan Resolution in the Europe and Central Asia Region: Lessons Learned from the Global Financial Crisis for the Pandemic. FinSAC Policy Note, World Bank, 80 p.
20. World Bank (2020b) COVID–19 Household Monitoring Dashboard. URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2020/11/11/covid-19-high-frequency-monitoring-dashboard>
21. World Bank (2020c) Global Economic Prospects 2020: Slow Growth, Policy Challenges. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, Wash., DC, January, 309 p.
22. World Bank (2020d) Global Financial Development Report 2019/2020: Bank Regulation and Supervision a Decade after the Global Financial Crisis. World Bank, Wash., DC, 136 p.
23. World Bank (2020e) Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune. World Bank, Wash., DC, 178 p.

24. World Bank (2021a) COVID–19 Business Pulse Surveys Dashboard. URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2021/01/19/covid-19-business-pulse-survey-dashboard>
25. World Bank (2021b) Global Economic Prospects. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, Wash., DC, June, 172 p.
26. World Bank (2021c) Resilience: COVID–19 Crisis through a Migration Lens. Migration and Development Brief, No. 34, Global Knowledge Partnership on Migration and Development, World Bank, Wash., DC, 37 p.
27. World Bank (2022a) COVID–19 Business Pulse Survey Dashboard, March 07. URL: <https://www.worldbank.org/en/data/interactive/2021/01/19/covid-19-business-pulse-survey-dashboard>
28. World Bank (2022b) World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, Wash., DC, 257 p.
29. Yonzan N., Lakner C., Mahler D.G. (2021) Is COVID–19 Increasing Global Inequality? World Bank Blogs: Data Blogs, October 7. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/covid-19-increasing-global-inequality>

Evolution of triggers of fragility of the world economy in a crisis

Evgeny Nikolaevich Smirnov,

Dr Sc. (Economics), Professor, Acting Head of World Economy and International Economic Relations Department, State University of Management, Moscow, Russia.

The article is devoted to the analysis of key aspects of the evolution of signals of instability of the world economy, which has been observed in the last decade and a half. Special emphasis is placed on the coronavirus pandemic, which has become a powerful crisis that caused a negative reaction of the world economy to exogenous shocks. The purpose of the article is to identify the features of the current crisis of the world economy and its main characteristics. The scientific novelty of the study lies in the fact that the author summarizes the consequences of the global crisis on the development of households, the corporate sector and cross-country inequality. It is proved that global inequality has increased, as well as the level of poverty in the world. It was found that the current crisis in most countries did not correspond to typical cyclical manifestations. An assessment of the prospects for economic growth of the global economy has been carried out due to the multiple uncertainties that have developed in recent years. The author comes to the conclusion that risks are higher and less predictable in the global economy today, and adaptation is less successful. This is especially true for developing countries.

Keywords: *global crisis, world economy, economic growth, inequality, households, corporate sector.*

JEL codes: *E20, E30, E32, F01, F51.*

Стратегия развития международного бизнеса: продвижение белорусской компании на китайский рынок

Филькевич Игорь Александрович,¹
Ван Юйяо².

В статье рассматриваются перспективы развития стратегии белорусской компании при выходе на рынок Китая, что является важным направлением развития компании в перспективе. Китай — это очень крупный потребительский рынок, и, кроме того, один из важнейших стратегических партнеров Российской Федерации и Республики Беларусь. В статье проведен анализ экспорта продукции компании в Российскую Федерацию, Казахстан и Узбекистан. Цель статьи — оценка стратегии и экспортного потенциала мясоперерабатывающего предприятия «Городея», филиала ООО «Викос». В статье отмечается, что глобальная пандемия COVID-19 оказала большое негативное влияние на отгрузки продукции компании в Китай. В работе используются методы сравнительного анализа и синтеза, обобщения, экспертных оценок, графического анализа, классификации и систематизации. Научной новизной исследования является разработка рекомендаций по направлениям развития новой маркетинговой стратегии компании на международном (китайском) рынке. В качестве результата исследования представлен разработанный авторами общий алгоритм действий экспортеров мясной продукции в Китай.

Ключевые слова: стратегия предприятия, китайский рынок, приоритеты, экономическое сотрудничество, международный бизнес.

JEL коды: F14, F23.

Введение

В настоящее время усиливается роль конкуренции в регулировании экономической деятельности и определении экономической политики фирмы на международном рынке. Еще несколько лет назад стратегия развития международного бизнеса компании рассматривалась, прежде всего, как выработка общего направления деятельности фирмы на достаточно долгосрочный период с учетом изменений условий внешней среды (Абдуллаев, 2020). В настоящее время, с учетом кризисных явлений в мировой экономике и появлением новых конкурентов и/или точек роста, основной акцент делается на определение эффективной, быстро реагирующей на перемены организационной и управленческой

¹ Филькевич Игорь Александрович — профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

² Ван Юйяо — магистр факультета глобальных процессов, Московский государственный университет, Москва, Россия.

системы, ориентированной на рынок (Панкова, 2019), что определяет актуальность темы статьи.

В статье исследуется экономическая деятельность и стратегия развития международного бизнеса предприятия пищевой промышленности — мясоперерабатывающего предприятия «Городея», филиала ООО «Викос». В условиях жесткой конкуренции рынок спроса все больше ориентируется на интересы зарубежных партнеров.

Целью исследования является построение стратегии развития международного бизнеса мясоперерабатывающего предприятия «Городея» филиала, ООО «Викос».

Оценка стратегии и экспортного потенциала мясоперерабатывающего предприятия «Городея», филиала ООО «Викос»

Из-за большой конкуренции на внутреннем рынке для дальнейшего развития и поддержания эффективной работы предприятию необходимо находить новые рынки сбыта. В таких условиях большое внимание уделяется развитию *стратегии диверсификации экспортной деятельности*. Для предприятия важна как диверсификация рынков сбыта, так и диверсификация ассортимента экспортируемой продукции.

Реализация продукции на экспорт на предприятии началась в 2015 г. на основе поставок блоков говяжьих замороженных и жира-сырца говяжьего в Российскую Федерацию, но объем был достаточно небольшой и составлял чуть более 20 тонн. Далее начался процесс наращивания объемов реализации экспортной продукции в Российскую Федерацию, причем в 2016 г. уже был сделан акцент на реализации мяса говядины на кости: объем реализации в 2016 г. составил 828 тонн. Экспорт в Российскую Федерацию позволил предприятию реализовать стратегию диверсификации рынков сбыта и укрепить политику устойчивого развития.

В 2017 г. процесс реализации на экспорт оставался в том же направлении: основной экспортной страной оставалась Российская Федерация, основным экспортным сырьем — мясо говядины на кости. Однако в 2017 г. объем сбыта данной продукции на российском рынке существенно сократился — до 207,84 тонн, т. е. в 2,5 раза, по причине усиливающихся требований по сертификации продукции и возросшей конкуренции.

В 2017 г. с целью реализации стратегии диверсификации рынков сбыта и расширения экспорта начались пробные поставки продукции в Республику Казахстан блоков замороженных говяжьих односортовых. Объем поставок был небольшим — 46,94 тонн.

Как свидетельствуют данные анализа, наибольшего объема сбыта в Российскую Федерацию Филиал «Городея» ООО «Викос» достиг в 2018 г. — 883,6 тонн, в 2019 г. поставки существенно сократились — до 56,7 тонн.

В 2020 г. были частично возобновлены отгрузки на Российскую Федерацию. Были осуществлены поставки новой ассортиментной позиции — шкур мочалосолёных крупного рогатого скота. Объем отгрузки составил 107,84 тонн.

Анализируя поставки в Республику Казахстан можно отметить, что в 2019 г. были отмечены максимальные поставки продукции предприятия, достигшие 874,2 тонн., однако в 2020 г. из-за коронавируса и общего снижения деловой активности и спроса произошел заметный спад продаж — до 367 тонн.

Резкие снижения поставок заставили компанию искать новые рынки сбыта за рубежом. В результате поиска новых рынков сбыта были найдены новые покупатели и организованы поставки в Республику Узбекистан с сентября 2020 г., при этом объемы поставок составили 202,4 тонн.

Структура реализации продукции по странам за 2020 г. представлена на рис. 1. Хотелось бы подчеркнуть, что в 2023 г. ассортиментный перечень поставляемых на экспорт колбасных изделий и полуфабрикатов насчитывает более 150 наименований.

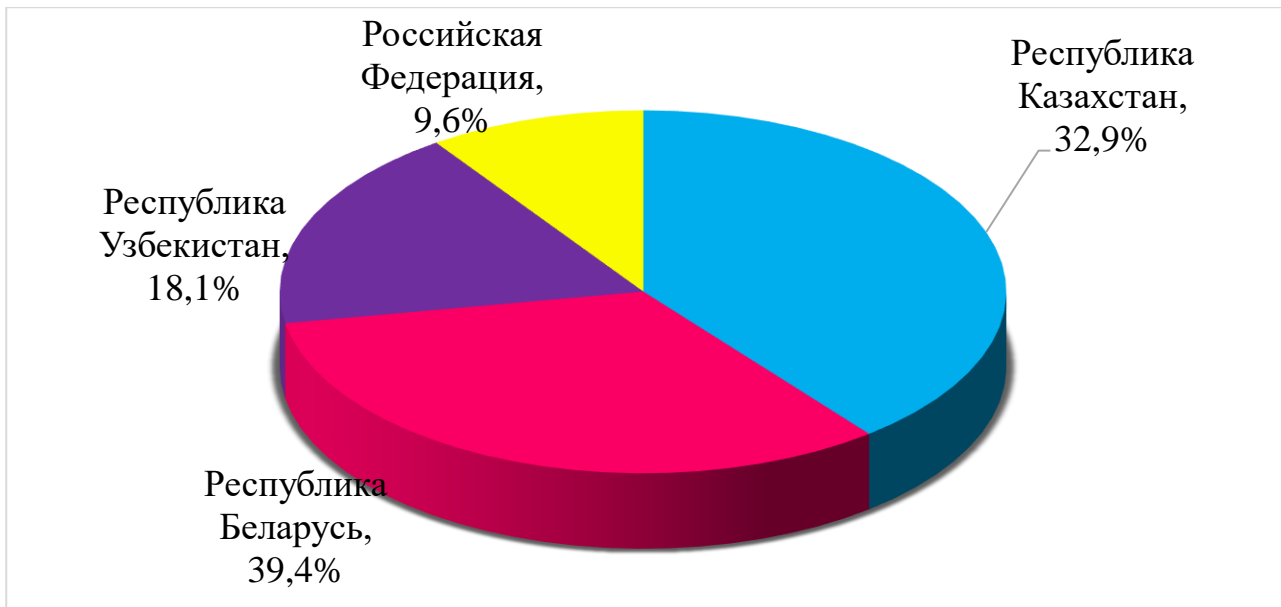


Рис. 1. Структура отгрузок продукции по странам за 2020 г.

Источник: составлено авторами по данным мясоперерабатывающего предприятия «Городея», филиала ООО «Викос».

Таким образом, основными направлениями стратегии развития международного бизнеса предприятия остаются поиск новых зарубежных партнеров и расширение внешних рынков сбыта, увеличение экспортных отгрузок на завоеванных внешних рынках и расширение ассортимента, установка нового технологического оборудования по упаковке и маркировке продукции, повышение качества продукции и его стабильного производства за счет применения новых технологий.

Мясоперерабатывающее предприятие «Городея» — это современная процветающая компания, оснащенная новейшим оборудованием по переработке мяса. Стратегией организации стал выпуск продукции высокого качества с наилучшими потребительскими свойствами. На предприятии внедрена система менеджмента безопасности пищевых продуктов, соответствующая требованиям СТБ 1470–2012 и система качества НАССР (Мясоперерабатывающее предприятие «Городея»).

Совершенствование стратегии международного бизнеса мясоперерабатывающего предприятия

При разработке стратегии развития международного бизнеса мясоперерабатывающего предприятия «Городея», филиала ООО «Викос», необходимо учитывать, что в системе

стимулирования процесса интернационализации белорусских предприятий существенную роль играет система государственной поддержки. Она способствует созданию специальной инфраструктуры для продвижения экспортной продукции предприятий на международные рынки — фонды и агентства поддержки, бизнес-инкубаторы, технопарки, лизинговые и страховые компании и др. (Рагипов, 2021).

Содействие национальным предприятиям в развитии международного бизнеса занимает одно из ведущих мест в современной политике Беларуси и Китая (Исаев, 2020. С. 168).

Визит Президента Республики Беларусь в Китай А. Г. Лукашенко, его встреча с генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином открыли новые возможности для успешного экономического сотрудничества стран и их субъектов. Суммарный экономический эффект двустороннего сотрудничества по итогам государственного визита Президента Беларуси в Китай должен составить более 3,5 млрд долларов (Итоги..., 2023).

Для разработки стратегии развития международного бизнеса мясоперерабатывающего предприятия «Городея», филиала ООО «Викос» на рынке Китая, прежде всего, авторами оценена существующая ситуация поставки мясной продукции из Беларуси в Китай. Установлено, что на начало 2023 г. рынок КНР уже был открыт для 29 белорусских предприятий, производящих мясную продукцию: 21 из них производят говядину и 8 — мясо птицы.

Для определения перспектив поставки мясной продукции в Китай из Беларуси, авторами оценен потенциал рынка Китая в потреблении мясной продукции. За год средний китаец потребляет около 6 кг говядины, но местные производители даже такой небольшой объем произвести не могут. В 2022 г. в Китае было произведено более 7 млн тонн говядины, тогда как спрос превысил это предложение почти на 1,5 млн тонн.

Между Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь и Главным государственным управлением по контролю качества, инспекции и карантину Китая (AQSIQ) подписаны протоколы по ветеринарным санитарным требованиям, а также меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в обеспечении безопасности при экспорте продуктов питания. Подписание этих документов позволило привлекать из Китая представителей различных мясных компаний, которые готовы искать в Республике Беларусь партнеров-поставщиков, чтобы удовлетворять растущие потребности китайского населения. Потребление говядины в Китае увеличивается из-за быстро растущих доходов среднего класса страны, хотя свинина по-прежнему составляет более 60% потребляемого мяса. Так что говядина пока является нишевым продуктом — из ассортимента магазинов премиум-класса.

В настоящий момент белорусским производителям пока предложили поставлять на китайский рынок только один вид продуктов — «замороженное мясо», в то время как мясокомбинаты страны очень заинтересованы в продвижении полуфабрикатов из говядины, а также готовой продукции: колбас, сосисок, ветчины, пельменей и др.

При этом представители китайских компаний готовы приобретать эндокринно-ферментное сырье: железы, желчь, станковые жилы, сухожилия, соединительную ткань, кровь, сетчатку, аорту, мозг. Китайские компании также готовы в промышленных масштабах закупать еще и говяжьи кости. Для того чтобы обеспечивать целевые китайские рынки соответствующей продукцией, белорусские производители должны внедрять регламенты по

разрубу, новые стратегии в упаковке продукции, ее подачи, удлинении сроков хранения охлажденного мяса.

Соответствие импортируемых в КНР продовольственных товаров подтверждается законодательными актами страны. основополагающими правовыми документами, регулирующими доступ на рынок Китая и обращение пищевой продукции, являются:

- Закон о безопасности продуктов питания;
- Закон о качестве и безопасности сельскохозяйственной продукции;
- Кодекс административных мер по инспекции и карантину экспорта и импорта

молочных продуктов.

Ведомствами Китайской Народной Республики, осуществляющими контроль за безопасностью импортных продуктов питания, являются Министерство здравоохранения КНР, *CFDA (China Food and Drugs Administration)*, *AQSIQ* (Главное управление по контролю качества, инспекции и карантину КНР), а также, в случае необходимости, могут привлекаться инспекции зарубежных стран.

Алгоритм действий при экспорте пищевой продукции на рынок Китая, в случае отсутствия прямых запретов на ввоз определенных видов продукции, можно представить в виде следующих пунктов:

- 1) Электронная регистрация экспортеров/импортеров.
- 2) Регистрация в территориальном органе Главного таможенного управления (ГТУ).
- 3) Разработка этикетки.
- 4) Предоставление определенного перечня документов и открытие регистрационного досье.
- 5) Проверка продукции и упаковки на соответствие госстандартам КНР.
- 6) Предварительное предоставление образцов товара.
- 7) Проверка товара и упаковки по его прибытию в Китай.
- 8) Выдача карантинного разрешения.
- 9) Уплата таможенных платежей, проверка соответствия товаросопроводительных документов фактическому количеству и качеству товаров.
- 10) Получение карантинно-инспекционного сертификата на ввоз продукции.
- 11) Сертификация.

Процедуры с 1-й по 8-ю являются для зарубежного экспортера обязательными, за следующие 3 (с 9-й по 11-ю), в соответствии с китайскими правилами, отвечает импортер. Китайский импортер обычно взаимодействует с экспортером и обеспечивает соответствие товара и необходимых процедур установленным в КНР нормам. Итоговым документом на ввоз продовольственной продукции является карантинно-инспекционный сертификат (*Inspection and Quarantine Certificate of Entry Goods / 入境货物检验检疫证明*). Его получение регулируется территориальными органами Главного таможенного управления (ГТУ) КНР и может различаться в зависимости от провинции, где находится пункт пропуска продукции.

Зарубежный экспортер, имеет право самостоятельно, т. е. без китайского импортера, реализовать экспортируемую продукцию на внутреннем рынке Китая. В данном случае он должен, как минимум, зарегистрировать юридическое лицо, получить лицензию на хозяйственную деятельность, оформить лицензию на торговлю продуктами питания.

Для зарубежного экспортера прямой сбыт может быть очень сложной задачей, в этой связи мы рекомендуем мясоперерабатывающему предприятию «Городея» филиала ООО «Викос» выстраивать стратегию выхода на китайский рынок путем эффективного прохождения всех этапов доступа на рынок Китая на основе тесного взаимодействия с китайским импортером.

Заключение

В результате исследования определена стратегия развития международного бизнеса мясоперерабатывающего предприятия «Городея» филиала ООО «Викос», которая должна быть направлена на освоение рынка Китая, чему способствуют новые политические возможности расширения экономического сотрудничества Беларуси и Китая, а также высокий спрос на продукцию предприятия на китайском рынке.

Стратегия развития международного бизнеса мясоперерабатывающего предприятия «Городея» филиала ООО «Викос» на рынке Китая предполагает поставку не только «замороженного мяса», но и полуфабрикатов из говядины, но и готовой продукции: колбас, сосисок, ветчины, пельменей и др., а также эндокринно-ферментного сырья (железы, желчь, становые жилы, сухожилия, соединительная ткань, кровь, сетчатка, аорта, мозг).

В результате исследования составлен общий алгоритм действий экспортеров мясной продукции в Китай.

Список литературы

1. Абдуллаева Н. Н. (2020) Стратегия развития малого бизнеса в контексте критериев оценки условий ведения бизнеса с применением международного рейтинга // Экономика: анализы и прогнозы. № 3–4 (6–7). С. 91–97. [Abdullayeva N. N. (2020) Small business development strategy in the context of criteria for assessing business conditions using an international rating // Economics: analyses and forecasts. No. 3–4 (6–7). Pp. 91–97. (In Russian).]
2. Мясоперерабатывающее предприятие «Городея». [Meat processing enterprise "Gorodeya". (In Russian).] URL:<https://gormk.by/about>
3. Панкова Л. Н. (2019) Стратегия устойчивого развития в глобальной экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 9. № 10–1. С. 34–40. [Pankova L. N. (2019) Strategy of sustainable development in the global economy // Economics: Yesterday, today, tomorrow. Vol. 9. No. 10–1. Pp. 34–40. (In Russian).] DOI: 10.34670/AR.2020.92.10.003
4. Рагипов С. Р. (2021) Стратегия производственного развития предприятия // Синергия Наук. № 55. С. 459–472. [Rahimov S. R. (2021) Strategy of industrial development of the enterprise // Synergy of Sciences. No. 55. Pp. 459–472. (In Russian).]
5. Исаева О. М. (2020) Управление производством / О. М. Исаева, Е. А. Припорова. Москва: Юрайт. [Isaeva O. M. (2020) Production management / O. M. Isaeva, E. A. Priporova. Moscow: Yurayt. (In Russian).]
6. Итоги государственного визита Президента Беларуси в Китай — мнения экспертов (2023). [Results of the state visit of the President of Belarus to China — expert opinions (2023) (In Russian).] URL: https://www.tvr.by/news/politika/k_peregovoram_aleksandra_lukashenko_i_si_tszinpina_bylo_prikovano_vnimanie_vsego_mira/

7. Мясоперерабатывающее предприятие «Городея». [Meat processing enterprise "Gorodeya". (In Russian).] URL: <https://gormk.by/about>

International business development strategy: promotion of the Belarusian company to the Chinese market

Igor Aleksandrovich Filkevich,

Dr Sc. (Economics), Professor of the Department of Economic Theory and Management, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia.

Wang Yuyao,

Master of the Faculty of Global Processes, Moscow State University, Moscow, Russia.

The article discusses the prospects for the development of the strategy of the Belarusian company when entering the Chinese market, which is an important direction of the company's development in the future. China is a very large consumer market, and, in addition, one of the most important strategic partners of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The article analyzes the export of the company's products to the Russian Federation, Kazakhstan and Uzbekistan. The purpose of the article is to assess the strategy and export potential of the meat processing enterprise "Gorodeya", a branch of LLC "Vikos". The article notes that the global COVID–19 pandemic has had a great negative impact on the shipment of the company's products to China. The work uses methods of comparative analysis and synthesis, generalization, expert assessments, graphical analysis, classification and systematization. The scientific novelty of the research is the development of recommendations on the directions of development of a new marketing strategy of the company in the international (Chinese) market. As a result of the study, a general algorithm developed by the authors for the actions of meat exporters to China is presented.

Keywords: *enterprise strategy, Chinese market, priorities, economic cooperation, international business.*

JEL codes: *F14, F23.*

Компаративный анализ развития кабельной промышленности и оптоволоконного рынка России и Китая как инструмента цифровой трансформации

Рытова Наталья Сергеевна¹

В статье осуществлено исследование становления и развития кабельной промышленности СССР/России и Китая в части производства оптоволоконного кабеля и компаративный анализ этого процесса. Предложена авторская этапизация эволюции данного сегмента рынка и предложен сравнительный анализ как самой эволюции, так и ее результатов на современном этапе. Целью данной статьи является компаративный анализ процесса становления оптоволоконной промышленности и рынка оптоволоконного кабеля в России и в Китае в конце XX в. по настоящее время. Объект исследования — оптоволоконная отрасль России и Китая. Теоретико-методологической основой проведенного авторского анализа стали исследования экспертов, научные труды отечественных и зарубежных авторов, а также междисциплинарные исследования по проблематике темы исследования. На основе проведенного сравнения автор приходит к выводу о том, что важнейшей характеристикой, которая отличает рынки оптоволоконного кабеля в Китае и в России остается диффузия инноваций в КНР при ее отсутствии в России. В этой связи, по нашему мнению, Российской Федерации важно использовать опыт Китая в области инновационной диффузии.

Ключевые слова: *Россия, Китай, цифровизация, оптическое волокно (ОВ), оптоволоконный кабель (ВОК), оптоволоконный рынок (ОВР).*

JEL коды: *L52, L69, O14, O31, O33.*

Введение

В современной мировой экономике, глобальной и технологизирующейся, особенно в условиях цифровизации, основополагающую роль играет механизм передачи данных, в том числе больших, на очень значительные расстояния. Важность этого механизма для мировой экономики, каждого национального хозяйства, отдельного предприятия (отрасли) и жителя Земли предопределяется тем обстоятельством, что на сегодняшний день передача информации — это основная составляющая для ведения успешного и эффективного бизнеса, осуществления всех сфер деятельности человека, в том числе социальной, экологической, экономической; это кровеносная система, обеспечивающая связь между материками, странами, населением в условиях цифровизации.

В этом механизме важнейшим инструментом сегодня выступает оптическая связь, т. е. телекоммуникация, передающая на большие расстояния информацию с помощью света

¹ *Рытова Наталья Сергеевна* — руководитель представительства в РФ *Hefei Smarter Technology Group Corp.*, аспирант кафедры экономико-математического моделирования Российского университета дружбы народов, Москва, Россия.

(а не электричества). Световой сигнал проходит по волоконно-оптическому кабелю (ВОК) зигзагообразной волной, отражаясь от его «стенок», и в процессе этого отражения затухая и постепенно сглаживаясь¹. А поскольку цифровизация «характеризуется колоссальным ростом объема данных и необходимостью передачи этого объема по телекоммуникационным сетям» (Шавкунов, 2021), то потребность в оптоволоконных кабелях растет. Растет и исследование данного сегмента рынка, как российского, так и мирового.

Дело в том, что именно оптоволоконные кабели обеспечивают процесс цифровизации, переплетаясь по всей Земле (рис. 1) и сами по себе, и успех развития как в отрасли, так и в национальной экономике в целом. Поэтому страна, более успешно осуществляющая производство оптоволоконного кабеля, оказывается на более высоких позициях в мировых рейтингах цифровизации сегодня, и обеспечивает их себе в будущем (Рытова, 2019).



Рис. 1. Трехмерная карта подводных оптоволоконных кабелей.

Источник: <https://dzen.ru/video/watch/614c9e2cd02ec906a4c01d9e?f=video>

Целью данной статьи является компаративный анализ процесса становления оптоволоконной промышленности и рынка оптоволоконного кабеля в России и в Китае с конца XX в. по настоящее время.

Теоретико-методологической основой проведенного авторского анализа стали исследования экспертов, научные труды отечественных и зарубежных авторов, а также междисциплинарные исследования по проблематике темы исследования.

Становление оптоволоконной промышленности и рынка в России

Развитие оптоволоконного производства — один из сравнительно молодых сегментов отечественной кабельной промышленности². Первый образец оптического кабеля на основе отечественного волокна был произведен в 1977 г. сотрудниками института ВНИИКП, и в составе действующей линии связи (цветное телевидение) был представлен на

¹ Коэффициент затухания — это физический показатель, который определяет время «считывания» информации.

² Датой основания кабельной промышленности в России считается 1879 г., однако первые кабели были созданы в нашей стране гораздо раньше. Еще в 1812 г. Павлом Львовичем Шиллингом фон Канштадтом был проведен эксперимент — взорвана на Неве мина, соединенная с электрическим источником двумя изолированными проводами. По сути, это и были первые отечественные кабели (см.: Пешков, Уваров, 2004).

международной выставке «Связь–77». Кроме СССР, только Япония смогла продемонстрировать на этой выставке действующую линию связи.

В мае 1981 г. в СССР вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О разработке и внедрении световодных систем связи и передачи информации». Его решения были закреплены Постановлениями Совета Министров СССР 1985–1986 гг. Это в совокупности стало толчком для развития советской волоконно-оптической связи и увеличения количества разработок в этой сфере (Оптоволокно: прошлое и настоящее). Уже в 1980-х гг. в СССР первая партия отечественных оптических кабелей была не только изготовлена, но и проложена, и в это же десятилетие были разработаны новые конструкции (некоторые из них востребованные и в настоящее время).

Таким образом, СССР оказался на передовых позициях в мире в производстве оптоволокна, и производство базировалось на собственных разработках, но цикл этих разработок был неполным. Оптоволоконный кабель представляет собой «сложную конструкцию» и нуждается в сопутствующих материалах (рис. 2), которые не производились в стране (а зачастую и сейчас не производятся).

Оптоволоконный кабель

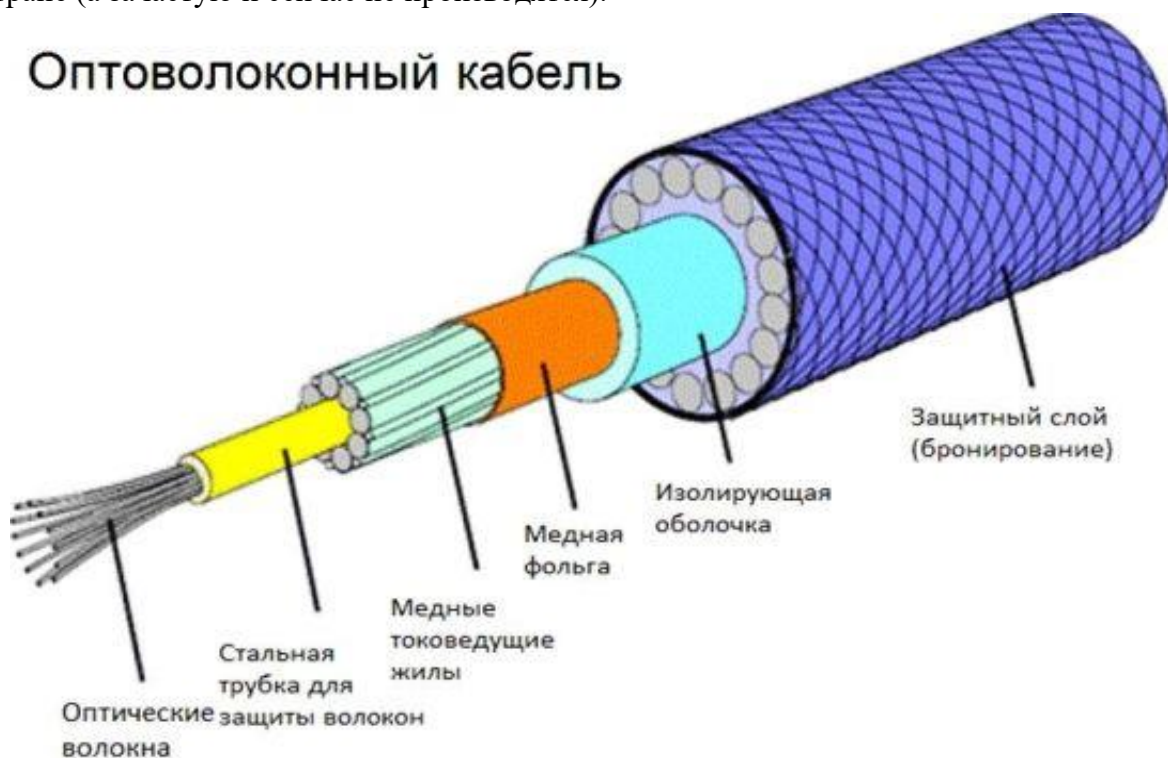


Рис. 2. Строение оптоволоконного кабеля.

Источник: История оптоволокна.

Отечественная промышленность испытывала острую зависимость от импорта этих вспомогательных материалов. Поэтому, несмотря на авангардные позиции СССР в производстве собственно оптического волокна, в производстве оптоволоконного кабеля страна существенно отставала от мировых лидеров.

Это была протестированная высококачественная технология, но не массовая, не серийная и не коммерциализированная продукция. Ее заказчиком выступало исключительно государство, как и потребителем. На этом этапе производством ОВ из

собственной заготовки по разработкам российских ученых занимался стекольный завод, распложенный в городе Гусь-Хрустальный.

К концу 1980-х гг. в стране была частично создана, а на 90% закуплена за рубежом технологическая база для выпуска ОВ. Разработки ведущих НИИ, а особенно АН СССР, отличались высокими характеристиками и неплохим качеством, но получить промышленное волокно с такими же характеристиками не удалось (История развития волоконной оптики).

Период 1970–1980-х гг. можно рассматривать как первый этап в становлении отрасли ОВК и соответствующего рынка.

На протяжении второго периода, в 1990-х гг., отечественное производство оптического волокна и кабеля серьезно пострадало, количество выпускаемой продукции резко упало — как из-за распада экономических связей и ухудшения общеэкономической ситуации в стране, в том числе и финансирования отрасли, так и вследствие усилий зарубежных конкурентов. Но окончательно разрушить отрасль не удалось — и АО «Совтелеком» (современный ОАО «Ростелеком») впервые использовало оптоволоконный кабель в Санкт-Петербурге для создания волоконно-оптической линии связи, соединяющей Аберслунд (Дания) и Петербург. На этом этапе основным заказчиком оставалось государство, но уже возникал и коммерческий спрос, хотя и в малом объеме (перехода на цифру не было, потребности в скоростях передачи данных тоже). Не было и программы «Волокно в дом», которое сохраняет скорость и качество передачи.

В то же время уже к концу 1990-х гг. стало очевидно, что начался процесс возрождения отрасли. Этому во многом способствовало объединение основных производящих кабели предприятий СНГ в ассоциацию «Электрокабель» с общим научным центром ОАО «ВНИИКП» и развитие сотрудничества с зарубежными производителями (Пешков, Уваров, 2004). Так, появилось несколько новых предприятий, среди них ЗАО «Самарская оптическая кабельная компания» (1997 г.), с участием фирмы *Corning Inc.* (США); АО «Москабель-Фуджикура» (1999 г.), и др. Министерство путей сообщения РФ и *Corning Inc.* Создали новое предприятие ЗАО «ТРАНСВОК». На базе завода Воронежтелекабель было создано СП — ОАО «Связьстрой-1» и *Lucent Technologies International Inc* (США) в дальнейшем стало принадлежать японской компании *Furukawa*. Массовое производство начато в 1999 г.

В XXI в., на третьем этапе развития отрасли, активизировалось и — в связи с глобальной цифровизацией и ростом потребности цифровой трансформации в России — актуализировалось дальнейшее развитие отрасли. На этом, 3-м, современном, этапе развития отечественного оптоволоконного кабельного производства, были организованы новые заводы для производства ВОК и открыты новые цеха совместно с иностранными производителями ОВ на базе уже функционирующих кабельных заводов. Это, например, ООО ИНКАБ (2007 г.) — одно из крупнейших предприятий Европы по выпуску ВОК (Инкаб); ЗАО «Полимет» (открыл цех по производству ВОК в 2012 г. и остается из основных поставщиков АО «Ростелеком»); АО «Опитковолокonné системы» создало единственное на территории России и ЕАЭС предприятие, и в 2016 г. начался коммерческий выпуск волокна.

Сегодня оптоволоконный рынок в России — это совокупность немногим более 20-ти производителей соответствующей продукции, которые между собой конкурируют главным образом по качественным параметрам производимой ими продукции. Они, как правило, имеют налаженные взаимовыгодные международные связи с предприятиями в СНГ. С

2010 г. на отечественном рынке оптоволоконного кабеля появляются производители из Китая и, в меньшей степени, из других стран.

На рынке работают в основном представители среднего бизнеса. Доминирующий производитель на рынке отсутствует, что говорит о высокой степени фрагментированности рынка, его ограниченности по производственной мощности и по ассортименту производимой продукции.

Еще одна характерная особенность национального оптоволоконного рынка — преобладание отечественных инвестиций (владельцев). Иностранные инвестиции, в том числе прямые, лимитированы небольшими и немногочисленными СП (совместными предприятиями), созданными нерезидентами с теми отечественными компаниями, которые специализируются на изготовлении конкретного ассортимента изделий. Значимых позиций на мировом рынке отечественные производители оптоволоконной продукции не занимают.

Важнейшей и критичной особенностью оптоволоконного рынка РФ сегодня остается отсутствие мер защиты отрасли (производителя, продукции) со стороны государства. В частности, сохраняется нулевая таможенная пошлина на ввозимый в РФ импортный оптоволоконный кабель. При этом сохраняется таможенная пошлина на ввозимые на территорию РФ комплектующие материалы для производства ВОК. Это явление — результат негативного влияния непродуманных отраслевых решений при вступлении РФ в ВТО. Российские заводы — производители ВОК автоматически стали неконкурентоспособны по отношению к зарубежным, прежде всего китайским, заводам.

Кроме того, давно назрел вопрос обновления нормативной базы в области производства и применения оптических кабелей, ужесточения контроля качества продукции, ограничения поставок контрафакта на российский рынок, сертификации продукции.

Еще одна столь же критичная, сколь и распространенная особенность (она же проблема) оптоволоконного рынка РФ — отсутствие диффузии инноваций в отечественной отрасли оптоволоконного кабеля. Другими словами, в России не наблюдается распространение технологий в отрасли, не происходит обмен инновационными потоками, так как не сформированы (и не формируются) целенаправленные коммуникационные каналы между исследовательскими и производственными структурами.

Наконец, третья проблема — назревающая ситуация дефицита оптоволоконного кабеля для реализации новых проектов и ремонта и модернизации готовых сотовых сетей. Из-за санкций, введенных странами-поставщиками ОВ, в РФ перестали поставлять ОВ и полуфабрикаты для его вытяжки (преформы). ОВ — это признанный стратегический продукт. Из-за санкций поставки заготовок японского производства *Sumitomo* прервались; ввозится продукция из Китая, но стабильность ее поставок в нынешней ситуации никто гарантировать не может. В отсутствие ВОК строительство и модернизация сетей невозможно, что нарушит исполнение введенных правительственных программ по переходу на сети категории 5G, поддержание достаточных скоростей для передачи данных на сетях *LTE*. Все это на фоне того, что трафик в РФ постоянно растет, и в конечном итоге это может привести к деградации скорости и качества интернет-связи (Кодачигов, 2022).

Эта ситуация в очередной раз опровергает идею о том, что «Теоретические и эмпирические исследования показывают, что международная сегментация производства является ключевым фактором межстранового обмена. Стадии производства становятся «международно фрагментированными» по мере того, как компании, размещенные в разных странах, участвуют в производстве товаров и услуг на разных стадиях цепочки создания

стоимости. Страны специализируются на решении определенных задач, а не на полном цикле производства товара, и именно в этом заключается вертикальное разделение труда, основанное на сравнительных преимуществах стран по отдельным стадиям процесса производства. Изначально перенос производств в другие страны создал ряд эффектов для экономики принимающей страны, которые достаточно широко исследованы в литературе» (Лукиянов, Драпкин, 2017).

На наш взгляд, с развитием международной фрагментации производства можно согласится лишь при устойчивом политическом межстрановом взаимодействии, в то время как с 2022 г. подобное взаимодействие можно считать полной утопией. В условиях активизирующейся деглобализации этот подход не только не работает, но представляет собой угрозу национальной безопасности нашей страны. Сегодня России важно, как минимум, начать формирование полноценных производственных цепочек на внутригосударственном уровне для обеспечения безопасности стратегических отраслей отечественной промышленности и внутреннего рынка.

Китай, как показывает практика, стремится к той же цели — на протяжении уже ряда десятилетий.

Становление оптоволоконной промышленности и рынка в Китае

Как показывает проведенное нами исследование, процесс становления ОВР в Китае прошел примерно те же этапы, что и в России — в рамках глобального процесса цифровизации и в соответствии с возникавшими в этой связи задачами, но с иными результатами вследствие более агрессивной политики, проводимой страной и направленной не только на инновационное развитие, но и диффузию инноваций.

В 1966 г. ученый из Гонконга Чарльз Као Куэн (жил и работал также в США и в Великобритании) вместе с американским исследователем Дж. А. Хокхэмом выдвинули идею о возможности проводить оптическую коммуникацию с помощью стеклянного волокна. За это в 2009 г. эти два автора получили Нобелевскую премию (Оптоволокно: прошлое и настоящее). Открытие имело важные последствия для всего мира в сегменте развития цифровизации, передачи больших объемов данных на длительные расстояния, особенно после создания ученым сверхпрозрачного стекла, которое дало возможность обеспечить высокую дальность и высокую четкость передачи сигнала.

Несмотря на развитие в мире, в том числе в СССР, исследований и технологий в сфере оптического волокна, Китай позже, чем зарубежные страны, — в середине 1970-х гг. — начал проводить собственные практические исследования в области создания оптического волокна и отечественных оптических кабелей. Так как во всем мире бурно развивались промышленные изменения в рамках развертывавшейся научно-технической революции, Китай стремился сконцентрировать возможности в этом направлении, в том числе и национальные. *Первым этапом — началом исследований и разработок в данной сфере в Китае — можно считать 1970–1980-е гг.*, когда были сделаны первые и важные шаги в этой сфере (исследовательские, производственные, кадровые) в рамках разрабатываемых и реализующихся государственных программ и проводимых реформ.

В 1974 г. Управление науки и технологий Государственного совета согласилось включить проект по производству оптического волокна в список национальных проектов. Уханьский институт почт и телекоммуникационных наук Министерства почт и

телекоммуникаций (тогда Уханьский институт почт и телекоммуникаций) начал изучать оптоволоконную связь (История развития и будущее...).

Первое в КНР кварцевое оптическое волокно для национальных потребностей и развития новых и высоких технологий было разработано в начале 1977 г. в Уханьском институте почты и телекоммуникационных наук с использованием самодельного оборудования¹.

После реформы и «экономического открытия миру» в 1978 г. исследования и разработки в области волоконно-оптической связи в КНР значительно ускорились. Китай разработал свой собственный оптический кабель связи в 1978 г., используя импортное многомодовое оптическое волокно. В 1979 г. Чжао Цзисэнь произвел первое практическое оптическое волокно, независимо разработанное в КНР, и он стал известен в стране как «Отец оптического волокна в Китае».

В сентябре 1979 г. в Пекине была построена первая 3-километровая 120-полосная оптическая кабельная система связи, а несколько лет спустя оптические кабельные линии связи были проложены в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Ухане и других местах с использованием оптических волокон.

В 1980 г. в КНР началась коммерциализация многомодовой волоконно-оптической системы связи (140 Мбит/с); также начались и полевые испытания одномодовой волоконно-оптической системы связи (Волоконно-оптическая энциклопедия baidu).

В 1981 г. КНР решила создать в Ухане практичную систему связи по оптическому кабелю, оценить возможности практического использования и пройти коммерческие испытания на предмет стереотипизации и популяризации этой системы. В 1982 г. в Ухане был открыт «82-й проект», ключевой научно-исследовательский проект Министерства почты и телекоммуникаций. Проект называется практическим проектом. Он требует, чтобы все было коммерческим продуктом, а не тестовым продуктом. Продукт должен соответствовать международным стандартам ССИТ и быть спроектирован проектным институтом и создан рабочими, а не научным и техническим персоналом. С тех пор китайская волоконно-оптическая связь вступила в практическую стадию, и в середине 1980-х гг. оптоволоконная связь стала основным средством связи в Китае.

Развитие отрасли осуществлялось на основе деятельности совместных предприятий. Так, в 1988 г. родилась компания *YOFC (YOFC Optical fiber)*. В мае 1988 г. Министерство почты и телекоммуникаций города Ухань и компания *Philips* из Нидерландов совместно учредили компанию *YOFC*. Компания внедрила технологию *Philips* в Нидерландах и построила первую отечественную линию по производству оптического волокна и оптического кабеля в КНР. С самого начала своего основания *YOFC* взяла на себя историческую миссию содействия локализации оптоволоконной связи в КНР и содействия развитию информационно-коммуникационной отрасли страны. В начале своего создания, как и все совместные предприятия, *YOFC Optical Fiber* представила Китаю полные комплекты зарубежных производственных линий и технологий для производства преформ и оптических волокон в соответствии с установленными стандартами. В 1991 г. *YOFC* провела пробное производство оптического волокна и оптических кабелей, а в 1993 г. получила национальное признание. С момента ввода в эксплуатацию в 1992 г. объем продаж оптического волокна и оптических кабелей *YOFC Optical Fiber* стал самым высоким в стране. Небольшая фабрика,

¹ Коротковолновое ОВ ступенчатого типа длиной 960 м с затуханием ниже 20 дБ на км.

насчитывающая более 100 человек, начала самостоятельные попытки внедрения инноваций и обеспечила себе объем продаж в сотни миллионов юаней в год (За последние 30 лет..., 2018).

Но ограниченность возможностей Китая в производстве этой продукции, обусловленная рядом объективных факторов (низкий профессиональный и научно-технический уровень в практически аграрной стране, слабость национальной научно-технической базы, недостаток собственных финансовых ресурсов, отсутствие государственных программ развития технологий, отсутствие отечественных материалов для производства ВОК и др.) не давали возможности Китаю на равных участвовать в мировой гонке научно-технических достижений. Это обстоятельство, при осознании жизненной важности этих достижений в перспективе, вынуждало государство предпринять серьезные шаги.

На XII съезде КПК был принят Курс на всесторонние реформы в стране на 1982–1987 гг. В 1982–1983 гг. научно-техническое развитие Китая было поставлено КПК во главу угла перспективного развития страны. В октябре 1982 г., на одном из совещаний по развитию науки и техники, Чжао Цзыян охарактеризовал существовавшую систему НИОКР как неэффективную и подлежащую реформированию по 3-м основным направлениям: создание центров технического развития, ориентированных на современные виды техники и технологий; создание технических центров при крупных специализированных компаниях; установление прямых связей между научными организациями и предприятиями на договорной основе. Для укрепления связей науки с производством в 1984 г. Госсоветом КНР было принято решение о создании рынка научных и технических достижений и проведении конкурсных отборов научно-исследовательских организаций для выполнения работ по НИОКР с последующей продажей их результатов (Тихвинский, 2013. С. 317–318).

В середине 1980-х гг. появились конкретные программы модернизации науки и техники. Это проект Долгосрочной программы развития науки и техники на 1986–2000 гг., программа повышения технического уровня деревни «Искра» (май 1985 г.), программа развития высоких технологий «863» (выдвинута соответствующей инициативой ряда ученых в марте 1986 г.; принята в ноябре 1986 г.), программа развития производства на базе новых и высоких технологий «Факел» (август 1988 г.) (Тихвинский, 2013. С. 290).

В КНР было принято решение определить несколько наиболее перспективных направлений исследований, сосредоточить на них человеческие и финансовые ресурсы, чтобы самостоятельно поддерживать и формировать мировой уровень научных исследований в стратегических областях. С апреля 1986 г. Государственным комитетом по науке и технике и Научно-инженерным комитетом по обороне КНР началась подготовка «Тезисов к государственному плану развития высокотехнологичных исследований». К ним были отнесены 7 направлений: биологические, авиационные, информационные, лазерные, энергетические технологии и технологии в области автоматизации и материалов. С февраля 1987 г. этот план, рассчитанный на 15 лет, стал претворяться в жизнь и привел к целому ряду научных достижений и разработок мирового уровня (Тихвинский, 2013. С. 318).

В Китае начальное и среднее образование продолжало оставаться на низком уровне, сильно отставала материальная база, не хватало учреждений профессионально-технического образования. В 1980 г. в КНР была учреждена собственная система подготовки научных кадров и ученых степеней, похожая на американскую. В мае 1983 г. состоялся первый выпуск специалистов, подготовленных по новым программам: 18 человек получили степень

доктора, 15 тыс. — магистра и 32 тыс. — бакалавра. В аспирантуре продолжали обучение более 1000 человек (Тихвинский, 2013. С. 318–319).

Однако практически до конца XX в., что соответствует 1-му этапу развития ОВР в Китае, производство ВОК и ОВ оставалось неразвитым при росте спроса на соответствующую продукцию и росте импорта как для его удовлетворения, так и для развития оптоволоконного производства в стране.

В 1980-х гг. из-за слабой промышленной базы отечественное оптическое волокно все еще находится на стадии исследований и разработок, что затрудняло крупномасштабное производство, и оно было далеко от удовлетворения потребностей крупномасштабного строительства магистральных линий (Легенда об «отце оптического волокна в Китае»).

На втором этапе — 1990-е гг. — одномодовая волоконно-оптическая система связи вступила в стадию коммерциализации (565 Мбит / с) и начались полевые испытания оптического волокна со сдвигом нулевой дисперсии, мультиплексирования с разделением длин волн и когерентной связи, а также были последовательно сформулированы технические стандарты для цифровой системы синхронизации (*SDH*).

Третий этап — XXI в.

Начав в последней трети XX в. со стратегии замещения импорта и расширения экспорта, КНР постепенно продвигается по пути сосредоточения полного технологического цикла производства ВОК в стране. Ведущие китайские промышленные корпорации, выйдя на глобальные рынки, пытаются добиться контроля над наиболее выгодными звеньями разработки, изготовления и распределения продукции. Постепенно уходит в прошлое преимущественная специализация китайской промышленности на трудоемких производствах (Салицкая, 2013).

На рубеже веков порядка 70 производителей ВОК, работавших в Китае, производило около 500 тыс. км ВОК в год. Из них не более 10 компаний, производивших 1% продукции, имели определенный ассортимент. В стране не было собственных научных и практических наработок в области ОВ и ВОК, поэтому международное сотрудничество стало необходимым условием развития отрасли в условиях острой необходимости такого развития, с одной стороны, и возможности его реализации.

Сегодня Китай создал крупномасштабную отрасль оптоволоконной связи. Произведенные в Китае волоконно-оптические кабели, полупроводниковые оптико-электронные устройства и волоконно-оптические системы связи могут использоваться для внутреннего строительства, и небольшое их количество экспортируется.

Заключение

Становление оптоволоконной промышленности в СССР началось несколько раньше, чем в КНР, однако темпы развития отечественной отрасли были подорваны развалом СССР, в то время как политика Китая способствовала активизации страны в указанном сегменте в 1990-е, и особенно в 2000-е гг.

Важнейшей характеристикой, которая отличает рынки оптоволоконного кабеля в Китае и в России, остается диффузия инноваций в КНР при ее отсутствии в России. В этой связи, по нашему мнению, Российской Федерации важно использовать опыт Китая в области инновационной диффузии. При этом именно данная область реального сектора экономики

является наиболее значимой для государственного регулирования. Однако сам экономический механизм диффузии инноваций может быть не менее значимым, чем создание инфраструктуры поддержки НИОКР и фундаментальных разработок и принести существенную прибавочную стоимость национальной экономики.

Список литературы

1. Волоконно-оптическая энциклопедия baidu. (На китайском языке). [Baidu fiber-optic encyclopedia. (In Chinese).] URL: <https://baike.baidu.com/item/光纤/171632>
2. За последние 30 лет компания *YOFC* превратилась из национального лидера в области оптоволоконной связи в мирового лидера в отрасли оптоволоконной связи (2018). [Over the past 30 years, *YOFC* has grown from a national leader in the field of fiber to a world leader in the fiber industry (2018). (In Russian).] URL: https://www.sohu.com/a/277845621_106321
3. Инкаб — один из крупнейших заводов по производству оптического кабеля в Европе. [Inkab is one of the largest optical cable manufacturing plants in Europe. (In Russian).] URL: <https://incab.ru/incab/>
4. История оптоволоконной связи. [The history of optical fiber. (In Russian).] URL: <https://история-вещей.рф/materialyi/istoriya-optovolokna.html>
5. История развития и будущее применение оптоволоконной связи. (На китайском языке). [History of development and future application of fiber-optic communication. (In Chinese).] URL: <https://wlzx.hncu.edu.cn/info/1061/1431.htm>
6. История развития волоконной оптики. [The history of the development of fiber optics. (In Russian).] URL: <https://siblec.ru/telekommunikatsii/opticheskie-linii-svyazi-i-passivnye-komponenty-vosp/1-obshchie-svedeniya-o-voikonno-opticheskoy-svyazi/1-1-istoriya-razvitiya-voikonnoj-optiki>
7. Кодачигов В. (2022) Кабель преткновения: на рынке связи ждут перебоев с поставками оптоволоконной связи. Поможет ли импортозамещение избежать заморозки строительства сотовых и фиксированных сетей связи? // Известия. 29 июля. [Kodachigov V. (2022) Cable stumbling block: interruptions in fiber optic supplies are expected in the communications market. Will import substitution help to avoid freezing the construction of cellular and fixed communication networks? // Izvestia. July 29. (In Russian).] URL: <https://iz.ru/1371120/valerii-kodachigov/kabel-pretknoveniia-na-rynke-svyazi-zhdut-pereboev-s-postavkami-optovolokna?ysclid=lc53ur3xyu374625721>
8. Легенда об «отце оптического волокна в Китае»: несколько электрических плит и колб, лаборатория рядом с туалетом извлекает первое в Китае оптическое волокно (На китайском языке). [The legend of the "father of optical fiber in China": several electric stoves and flasks, a laboratory next to the toilet extracts the first optical fiber in China. (In Chinese).] URL: http://fms.news.cn/swf/2016_qmtt/12_30_2016_gx/index.html
9. Лукьянов С. А., Драпкин И. М. (2017) Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // Мировая экономика и международные отношения. № 4. С. 16–25. [Lukyanov S. A., Drapkin I. M. (2017) Global value chains: effects for an integrating economy // World Economy and International Relations. No. 4. Pp. 16–25. (In Russian).]

10. Оптоволокно: прошлое и настоящее. [Optical fiber: past and present. (In Russian).] URL: <https://habr.com/ru/company/nag/blog/405433/>
11. Пешков И. Б., Уваров Е. И. (2004) Кабельной промышленности России 125 лет: этапы пути, становление, современное состояние // Кабели и провода. № 5. С. 3–8. [Peshkov I. B., Uvarov E. I. (2004) The cable industry of Russia 125 years: stages of the way, formation, modern state // Cables and wires. No. 5. Pp. 3–8. (In Russian).]
12. Рытова Н. С. (2019) Четвертая промышленная революция как фактор экономического развития: сравнительно-международный аспект // Инновации и инвестиции. № 4. С. 360–362. [Rytova N. S. (2019) The fourth industrial revolution as a factor of economic development: a comparative international aspect // Innovations and investments. No. 4. Pp. 360–362. (In Russian).]
13. Салицкая Е. А. (2013) Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития // Наука. Инновации. Образование. Т. 8. № 2. С. 7–22. [Savitskaya E. A. (2013) Scientific and technological complex of China: development experience // Nauka. Innovation. Education. Vol. 8. No. 2. Pp. 7–22. (In Russian).]
14. Тихвинский С. Л. (гл. ред.) (2013) История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т.; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. [Tikhvinskiy S. L. (ch. ed.) (2013) The History of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 t.; Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. M.: Nauka. (In Russian).]
15. Шавкунов С. В. (2021) Цифровая экономика и необходимость модернизации магистральных волоконно-оптических сетей России в период 2020–2030 годов // Кабели и провода. № 3 (389). С. 11–18. [Shavkunov S. V. (2021) Digital economy and the need to modernize the backbone fiber-optic networks of Russia in the period 2020–2030 // Cables and wires. No. 3 (389). Pp. 11–18. (In Russian).] DOI: 10.52350/2072215X_2021_3_11
16. Earth Submarine Fiber Optic Cable Network. URL: <https://dzen.ru/video/watch/614c9e2cd02ec906a4c01d9e?f=video>

Comparative analysis of the development of the cable industry and the fiber optic market of Russia and China as a tool of digital transformation

Natalia Sergeevna Rytova,

Head of the Representative office in the Russian Federation Hafei Smarter Technology Group Corp., postgraduate student of the Department of Economic and Mathematical Modeling of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

The article studies the formation and development of the cable industry of the USSR/Russia and China in terms of fiber optic cable production and comparative analysis of this process. The author's phasing of the evolution of this market segment is proposed and a comparative analysis of both the evolution itself and its results at the present stage is proposed. The purpose of this article is a comparative analysis of the process of formation of the fiber-optic industry and the fiber-optic cable market in Russia and China in the late twentieth century to the present. The object of research is the fiber—optic industry of Russia and China. The theoretical and methodological basis of the author's analysis was the research of experts, scientific works of domestic and foreign authors, as well as interdisciplinary research on the problems of the research topic. Based on the

comparison, the author comes to the conclusion that the most important characteristic that distinguishes the fiber optic cable markets in China and Russia remains the diffusion of innovations in the PRC in its absence in Russia. In this regard, in our opinion, it is important for the Russian Federation to use China's experience in the field of innovation diffusion.

Keywords: *Russia, China, digitalization, optical fiber(s), fiber-optic cable (VOC), fiber-optic market (OVR).*

JEL codes: *L52, L69, O14, O31, O33.*

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

«Зеленая повестка» в арабских странах Западной Азии и современные вызовы

Бяшарова Адиля Рашидовна,¹

В статье проведен анализ практических аспектов и тенденций в сфере «зеленой» экономики в арабских странах Западной Азии, прежде всего в государствах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Период исследования охватывает 2000–2022 гг. Целью статьи является исследование необходимости и возможности развития «зеленой» экономики в арабских странах Западной Азии с точки зрения социально-демографических, производственно-экономических и международных экономических процессов и развития, включая обостряющуюся глобальную нестабильность и сохранение нестабильности региональной. На основе институционального подхода, статистического анализа и синтеза и метода классификации и визуализации автором обосновано, что процессы формирования «зеленой» экономики в регионе актуализировались, они имеют определенную практическую основу и объективную возможность для развития. Однако в то же время сохраняются и трудности в этом процессе, которые автор классифицирует как внутренние и внешние. В целом автор, отмечая происходящие в арабских странах региона «зеленые» изменения, рассматривает их как позитивные и последовательные, но требующие длительного времени для полной реализации поставленных задач.

Ключевые слова: «зеленая повестка», «зеленая экономика», арабские страны, Западная Азия, цели устойчивого развития.

JEL коды: F01, F64, O44, O53.

Введение. Сущность «Зеленой повестки»

«Зеленая повестка», находящаяся в приоритете деятельности международных организаций и различных государств, а также международных экономических отношений, сегодня вызывает неординарный интерес у политиков, экспертов и бизнеса.

Если говорить о теоретических аспектах проблемы, то стоит отметить, что еще К. Маркс в «Капитале» отмечал, что капиталист несколько не заинтересован в экологизации производства, он хищнически относится к природным ресурсам ради минимизации издержек, и, соответственно, максимизации прибыли и конкурентоспособности, и поэтому

¹ Бяшарова Адиля Рашидовна — кандидат экономических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедры мировой экономики Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

процесс капиталистического производства сопряжен зачастую с загрязнение окружающей среды (Маркс, 2011).

Однако сегодня этот подход, который подвергал критике еще К. Маркс, исчерпал возможности капиталистического развития. Это связано и с растущей глобальной конкуренцией — в экономическом и даже технологическом плане — со стороны развивающихся стран, и с невозможностью, мягко говоря, недорогого (как это было раньше) приобретения развитыми странами природных ресурсов и продовольствия у стран с развивающимися рынками в дальнейшем при обострении конкуренции на мировых рынках.

Причем именно это обстоятельство — обострение конкуренции за энергетические и продовольственные ресурсы — мы рассматриваем в качестве основной причины активизации международной «зеленой повестки», инициированной и продвигаемой развитыми государствами, так как взрыв на газопроводе «Северный поток» 1 и 2 подтвердил, в общем-то, не слишком большую заботу западных стран об экологии, в том числе и о выбросах метана, если речь идет об их экономической выгоде — сейчас или в перспективе.

Но в любом случае глобальная «зеленая повестка» действительно приобретает растущее значение для мира и декларируется как «экономика будущего, основанная на экологической устойчивости, социальной справедливости и повышении благосостояния» (Abdel, Luomi, 2017), что не может не затрагивать арабские страны Западной Азии. К тому же ресурсы планеты, в том числе — ископаемые, что весьма актуально для рассматриваемых государств, остающихся крупными производителями углеводородов, исчерпаемы, и им важно найти новые источники и драйверы экономического развития. Обосновывается точка зрения, что «зеленая» экономика имеет огромные перспективы в смысле роста экономической устойчивости как мировой экономики и национальных хозяйств стран мира, так и корпоративной устойчивости.

В то же время некоторые авторы небезосновательно говорят о том, что «Зеленая повестка дня направлена не столько на спасение планеты, а на обретение богатства и власти» (Gyngell, 2022), а другие отмечают, что «С теоретической точки зрения, зеленая экономика находится в состоянии конфликта между экологической устойчивостью и экономическим ростом» (Hyder, 2015).

Целью статьи является анализ необходимости и возможности развития «зеленой» экономики в арабских странах Западной Азии с точки зрения социально-демографических, производственно-экономических и международных процессов, включая обостряющуюся глобальную нестабильность и сохранение нестабильности региональной.

Возможности и направления устойчивого развития на «зеленой» платформе»: опыт стран Западной Азии

Устойчивое развитие — это задача № 1 для арабских стран Западной Азии. Это связано с рядом причин. Во-первых, будучи весьма социализированными государствами и имея высокие социальные обязательства, с одной стороны, и специфическую среду обитания вследствие географических особенностей региона, с другой стороны, страны ССАГПЗ, а также другие арабские государства Западной Азии, стремятся обеспечить растущему достаточно высокими темпами населению (см. табл. 1) не просто приемлемое, но как можно более комфортное природное окружение.

Таблица 1.

Динамика населения в арабских странах Западной Азии в 2000–2023 гг., тыс. человек

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Бахрейн	711,44	730,26	748,32	778,26	833,45	901,92	970,98	1040,53	1110,34	1179,45	1213,65
Ирак	24628,86	25425,66	26255,34	27068,82	27858,95	28698,68	28905,61	28660,89	29218,38	30289,04	31264,88
Иордания	5056,17	5163,31	5275,53	5396,12	5532,42	5678,53	6075,55	6473,46	6632,87	6780,49	6931,26
Кувейт	1934,90	1991,67	2047,36	2101,51	2153,48	2235,40	2363,41	2506,77	2650,93	2795,55	2943,36
Ливан	4320,64	4389,20	4446,67	4504,81	4574,80	4643,04	4719,86	4809,61	4887,61	4951,14	4995,80
Оман	2344,25	2374,65	2403,66	2431,60	2468,86	2515,19	2560,65	2605,70	2651,03	2697,54	2881,91
Катар	645,94	678,83	713,19	748,53	777,94	848,71	1015,06	1231,89	1444,28	1610,27	1713,50
Саудовская Аравия	21547,39	22085,93	22623,42	23150,85	23661,81	24397,64	25382,87	26400,07	27437,35	28483,80	29411,93
Палестина	3139,95	3230,08	3309,49	3384,19	3460,13	3541,19	3627,67	3717,88	3808,82	3899,40	3992,28
Сирия	16307,65	16727,95	17164,02	17611,36	18084,01	18583,56	19432,01	20703,01	21474,06	21827,22	22337,56
ОАЭ	3275,33	3454,20	3633,66	3813,44	3993,34	4280,99	4898,95	5872,62	6988,69	7992,64	8481,77
Йемен	18628,70	19143,46	19660,65	20188,80	20733,41	21320,67	21966,30	22641,54	23329,00	24029,59	24743,95
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Бахрейн	1212,08	1224,94	1261,67	1311,13	1362,14	1409,66	1456,83	1487,34	1494,19	1477,47	1463,27
Ирак	32378,06	33864,45	35481,80	36746,49	37757,81	38697,94	39621,16	40590,70	41563,52	42556,98	43533,59
Иордания	7109,98	7211,86	7694,81	8658,03	9494,25	9964,66	10215,38	10459,87	10698,68	10928,72	11148,28
Кувейт	3143,83	3394,66	3646,52	3761,58	3908,74	4048,09	4124,90	4317,19	4441,10	4360,44	4250,11
Ливан	5045,06	5178,34	5678,85	6274,34	6398,94	6258,62	6109,25	5950,84	5781,91	5662,92	5592,63
Оман	3206,87	3535,58	3816,68	4009,27	4191,78	4398,07	4541,85	4601,16	4602,77	4543,40	4520,47
Катар	1804,17	1905,66	2035,50	2214,47	2414,57	2595,17	2711,76	2766,73	2807,24	2760,39	2688,24
Саудовская Аравия	30150,95	30821,54	31482,50	32125,56	32749,85	33416,27	34193,12	35018,13	35827,36	35997,11	35950,40
Палестина	4087,74	4184,16	4281,79	4380,48	4484,61	4593,85	4700,95	4805,55	4909,78	5019,40	5133,39
Сирия	22730,73	22605,58	21495,82	20072,23	19205,18	18964,25	18983,37	19333,46	20098,25	20772,60	21324,37
ОАЭ	8575,21	8664,97	8751,85	8835,95	8916,90	8994,26	9068,30	9140,17	9211,66	9287,29	9365,15
Йемен	25475,61	26223,39	26984,00	27753,30	28516,55	29274,00	30034,39	30790,51	31546,69	32284,05	32981,64

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Следовательно, мотивами «зеленой повестки» у стран региона выступают не общественное мнение, как в Европейском союзе, а жизненная необходимость и реальные, видимые в регионе последствия изменения климата.

Во-вторых, стремление к «зеленой» повестке для этой группы стран связано с особенностями их отраслевой структуры и специфики производства. Преобладание среди отраслей национального и регионального хозяйства углеводородных, химических, алюминиевых и других производств диктует этим государствам необходимость снижать негативную нагрузку на природную среду и предпринимать усилия по ее эффективной защите. С другой стороны, прогнозы относительно возможности снижения мировой зависимости от углеводородов, например, массовый переход на электромобили, ставят перед странами-производителями минерального топлива серьезные задачи относительно поиска путей устойчивого развития в «постнефтяную» эру.

В-третьих, жесткое ограничение производственных возможностей собственного сельского хозяйства (несмотря на производство неорганических удобрений) и невозможность его поддержания на уровне, обеспечивающем устойчивую продовольственную безопасность региона и отдельных стран, требует дополнительных и серьезных усилий в «зеленой» сфере из-за дальнейшего роста климатических угроз. Особенно если учесть, что, из-за климатических изменений регион в последние годы все чаще сталкивается с серьезными засухами, сокращающими и без того незначительный потенциал национального сельского и водного хозяйства стран региона, и, как следствие — с нехваткой продовольствия. Например, согласно классификации ООН, Ирак занимает 5-е место в мире по уровню уязвимости из-за недостаточного количества воды и продовольствия, а также экстремальных температур (Conservation Agriculture... 2022).

Наконец, страны ССАГПЗ стремятся поддержать глобальные инициативы, разрабатываемые западными государствами, направленные на достижение устойчивого развития на основе «зеленых» инициатив, и «быть в тренде» глобальных изменений.

Как уже отмечалось, эти глобальные усилия предпринимаются уже достаточно давно и даже дают определенные плоды в мире. Так, ЮНКТАД отмечает, что в 2022 г., при общей тенденции к снижению стоимостных объемов международной торговли, зафиксирован рост «зеленых» товаров (см. рис. 1) и в целом «зеленой повестки» (UNCTAD, 2022).

В последние годы такая деятельность активизировалась и в арабских странах Западной Азии, несмотря на рост региональной и глобальной нестабильности и отсутствие возможности у некоторых стран, таких как Сирия и Ирак, финансировать «зеленую» деятельность из государственного бюджета и при сохранении западных санкций, ограничивающих их возможности получать необходимые технологии извне. Это обстоятельство, а также некоторые проблемы с адаптацией «зеленых технологий» и в целом их медленное развертывание, можно отнести к проблемам «зеленой повестки» в странах региона. Дело в том, что арабские страны Западной Азии сами не проявляют «зеленых» инициатив и не разрабатывают соответствующих технологий. Поэтому вопросы адаптации импортных технологий и финансирования собственных проектов для них сохраняют важнейшее значение в достижении национальных и региональных «зеленых» целей.

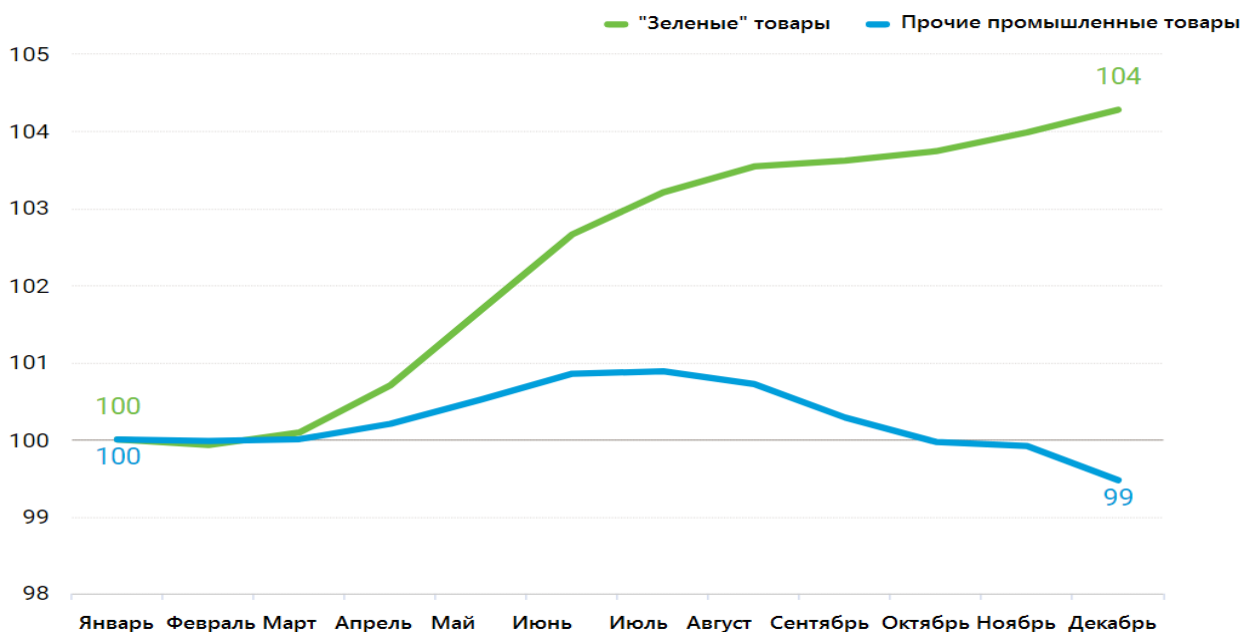


Рис. 1. Международная торговля «зелеными» и другими промышленными товарами в 2022 г., индекс, январь 2022 го = 100.

Источник: UNCTAD, 2022.

В этой связи страны принимают соответствующие программные документы. Так, ОАЭ в документе *UAE Vision 2021* выделили для своей страны 6 направлений «зеленого» развития: «зеленая» энергетика, «зеленые» инвестиции, «зеленые» города, «зеленая» жизнь, «зеленые» технологии и борьба с климатическими изменениями.

Решение многих проблем «зеленой повестки» для арабских стран Западной Азии, как представляется, возможно на путях:

1. Развитие собственных «зеленых» технологий, что в принципе обеспечивается цифровыми возможностями, в том числе — в тех свободных экономических зонах, которые в странах региона больше ориентируются на производство, а не на процессы активизации международной торговли. Это предполагает возможность использования различных мер государственной политики, в том числе — организационных, экономических, образовательных, технологических, даже юридических и других. Некоторые меры уже применяются в Азии (Dulal et al., 2015), в том числе и в рассматриваемой группе государств.

Стоит отметить, что Программа ООН по окружающей среде также обращает внимание на необходимость государственной поддержки «зеленой повестки» на уровне как разработки соответствующей политики, так и разработки экономических инструментов поддержки и реализации такой политики, включая финансовые меры государственной поддержки, формирование и/или имплементацию новых бизнес-моделей и наращивание потенциала этой повестки за счет институционального развития и образовательной (в том числе) соответствующие тренинги) составляющей.

2. Переход на более экологические виды деятельности, ресурсы, включая энергетические, а также продовольствие. В этой связи ряд авторов уже отмечает тенденцию к активизации процесса энергетического перехода в странах ССАГПЗ (Айдрус,

2022). Соответственно, необходимо развитие адекватной инфраструктуры и институтов, а также пропаганда положительных последствий «зеленой повестки».

3. Активизация процессов трансфера технологий, и, в частности, «зеленых», что, в свою очередь, предполагает и активизацию международного сотрудничества в этой сфере — как технологического и инвестиционного, так и образовательного. Действительно, арабские страны Западной Азии, особенно ССАГПЗ, наращивают процессы трансфера технологий вообще и «зеленых» — в частности (Соловьёва, 2019), что, безусловно, даст им возможность расширить перспективы реализации «зеленой повестки».

4. Активизация процессов цифровизации. Опыт некоторых стран Азии, прежде всего Китая, подтверждает, что «Зеленые» технологические инновации являются одним из эндогенных факторов «зеленого» экономического роста, а цифровизация может способствовать «зеленому» экономическому развитию в форме расширения возможностей промышленности. ... Влияние цифровизации на «зеленое» экономическое развитие имеет положительный стимулирующий эффект, в то время как влияние технологических инноваций на «зеленое» экономическое развитие незначительно» (Wei et al., 2022).

Кроме того, теоретические исследования подтверждают наличие устойчивой интерактивной взаимосвязи между «зеленой» экономикой и процессами цифровизации, как показано на рис. 2.

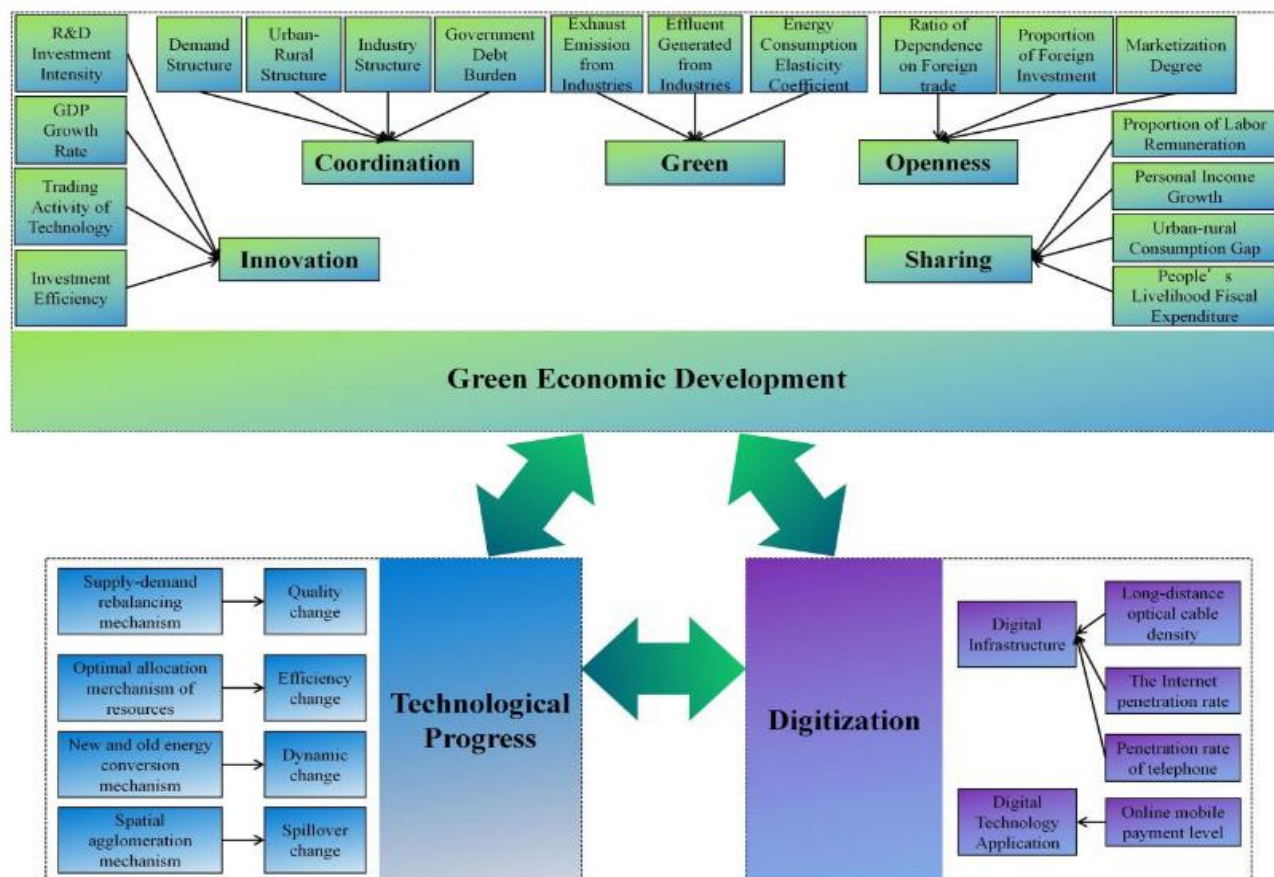


Рис. 2. Теоретические основы взаимосвязи цифровизации и «зеленого» экономического развития.

Источник: Wei et al., 2022.

На рис. 2 видно, что цифровые технологии оказывают более активное и заметное положительное влияние на процессы развития в контексте «зеленой» экономики — как на микроуровне, так и на страновом и на региональном уровнях. Кроме того, цифровизация и «зеленая повестка» занимают сегодня важнейшие позиции в стратегиях развития стран и континентов и выступают основой фундаментальных трансформационных процессов, затрагивающих основы социальную и экономическую сферы.

Заключение

Дальнейшее развитие «зеленой повестки» в арабских странах Западной Азии требует комплексного подхода к решению имеющихся проблем и разработки направлений возможных изменений. Такие усилия уже предпринимаются, и очевидно, что это длительный процесс. Но совершенно очевидно, что одних программ, увеличения числа чиновников и конференций недостаточно. Нужны, по-видимому, конкретные шаги в направлении реализации «зеленой повестки», причем, как представляется, она должна быть увязана не столько с отраслевыми и страновыми, сколько с региональными масштабами.

При этом стоит обратить внимание на то обстоятельство, что именно углеводороды, а не «зеленая», и даже не атомная энергетика, на сегодня все еще остаются ведущими источниками энергии в мире (и источником доходов большинства арабских стран Западной Азии), за которые, собственно, и идет глобальная битва, как это показал и опыт 2022 г. Поэтому отказ арабских стран Западной Азии от финансирования и развития своей традиционной энергетической отрасли, или даже значительное сокращение этого финансирования и государственного внимания к проблемам этой отрасли, представляются несвоевременными и опасными для их независимого развития и суверенитета.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З. (2022) Страны Залива: вызовы энергетического перехода // Вестник МИРБИС. № 2 (30). С. 36–44. [Aidrous I. A. Z. Gulf Countries: challenges of the energy transition // Bulletin of MIRBIS. No. 2 (30). Pp. 36–44. (In Russian).] DOI: 10.25634/MIRBIS.2022.2.3
2. Маркс К. (2011) Капитал: к критике политической экономии. Т. I. М.: Эксмо. 1200 с. [Marx K. (2011) Capital: on the criticism of political economy. T. I. M.: Eksmo. 1200 pp. (In Russian).]
3. Соловьёва Ю. В. (2019) Инновационные системы стран Персидского залива: формирование и перспективы развития // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 36–42. [Solovyova Yu. V. (2019) Innovative systems of the Persian Gulf countries: formation and prospects of development // Asia and Africa today. No. 11. Pp. 36–42. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750007022-6
4. Abdel Rauf M., Luomi M. (2017) The Green Economy in the Gulf. UK. 286 p.
5. Conservation Agriculture in West Asia / In book: Advances in Conservation Agriculture. Volume 3. February 2022. DOI: 10.19103/AS.2021.0088.10

6. Dulal B. H., Dulal R., Yadav P. K. (2015) Delivering Green Economy in Asia: The Role of Fiscal Instruments // *Futures*. Vol. 73. Is. 1. Pp. 61–77. DOI: 10.1016/j.futures.2015.08.002
7. Gyngell K. The green agenda is not about saving the planet, but gaining wealth and power. URL: <https://www.conservativewoman.co.uk/the-green-agenda-is-not-about-saving-the-planet-but-gaining-wealth-and-power/>
8. Hyder B. (2015) Green economy in theoretical dilemma. DOI: 10.13140/PT.2.1.4321.3284
9. Wei Ya., Qiuxia C., Qiuqi G., Xiaoting H. (2022) Towards Sustainable Development: How Digitalization, Technological Innovation, and Green Economic Development Interact with Each Other // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 19. Is. 19. DOI: 10.3390/ijerph191912273
10. UNCTAD, 2022. Global trade slows, but ‘green goods’ grow. URL: <https://unctad.org/news/global-trade-slows-green-goods-grow>
11. UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

The “Green Agenda” in the Arab countries of Western Asia and modern challenges

Adilya Rashidovna Byasharova,

*PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Acting Head of the Department of World
Economy, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.*

The article analyzes the practical aspects and trends in the field of "green" economy in the Arab countries of Western Asia, primarily in the states of the Cooperation Council of the Arab States of the Persian Gulf (GCC). The research period covers 2000-2022. The purpose of the article is to study the necessity and possibility of developing a "green" economy in the Arab countries of Western Asia from the point of view of socio-demographic, industrial, economic and international economic processes and development, including the worsening global instability and the persistence of regional instability. Based on the institutional approach, statistical analysis and synthesis, and the method of classification and visualization, the author proves that the processes of formation of the "green" economy in the region have been actualized, they have a certain practical basis and objective opportunity for development. However, at the same time, difficulties remain in this process, which the author classifies as internal and external. In general, the author, noting the "green" changes taking place in the Arab countries of the region, considers them as positive and consistent, but requiring a long time for the full implementation of the tasks set.

Keywords: "green agenda", "green economy", Arab countries, West Asia, Sustainable Development Goals.

JEL codes: F01, F64, O44, O53.

Международный туризм в Узбекистане и перспективы развития

Салах Эль Дин Мохаммед Селим¹

В статье дан анализ туристического сектора в Республике Узбекистан в сегменте международного туризма. Цель статьи — исследовать современное состояние отрасли, ее потенциал и возможности развития с учетом государственных стратегий развития. На основе статистических (в том числе метода визуализации), институциональных и других современных методов научного экономического анализа, установлено, что в Республике Узбекистан имеется высокий туристический потенциал, уровень которого поддерживается государством. В то же время основная масса зарубежных посетителей — это граждане СНГ, что, по мнению автора, сужает возможности реализации имеющегося туристического потенциала. Установлено, что в туристической индустрии Узбекистана сохраняется ряд проблем в различных сферах, таких как законодательно-нормативная, инфраструктурная, финансовая и кадровая. Однако, на взгляд автора, все эти проблемы последовательно могут найти свое решение при активизации внимания государства к отрасли.

***Ключевые слова:** международный туризм, туристический потенциал, экономический рост, глобальная нестабильность, диверсификация, экономическое развитие*

***JEL коды:** Z31, Z32, L83.*

Введение

Международный туризм играет все более заметную роль в развитии мировой экономики как на глобальном, так и на региональном и страновом уровнях. Обеспечивая возможности диверсификации национальной экономики и привлечения внешних валютных потоков, рост занятости и уровня жизни, туризм рассматривается многими странами (и исследователями, см., например: Салах Эли Дин, Айдрус, 2020) как одна из серьезных возможностей обеспечения социально-экономического прогресса.

Особенно важно, как представляется, исследовать опыт деятельности туристической отрасли в странах с развивающимися рынками, поскольку, с одной стороны, они могут представлять, а зачастую и действительно представляют собой важную и интересную туристическую дестинацию. Ее «открытие» для потенциальных туристов может иметь для них большую практическую значимость. С другой стороны, туризм — это важный элемент диверсификации национальной экономики, что, опять таки, важно для стран с развивающимися рынками. Он обусловлен научно-техническими, экономическими, социальными, демографическими и политическими мотивами (Салах Эли Дин, Айдрус, 2020).

¹ Салах Эль Дин Мохаммед Селим — кандидат экономических наук, управляющий партнер LTD «East Step», Каир, Египет.

Стоит отметить, что в последние годы исследования туристической отрасли стран Центральной Азии активизировалось, в том числе и Узбекистана (Абриев, 2022).

Цель статьи — исследовать современное состояние отрасли, ее потенциал и возможности развития с учетом государственных стратегий развития.

Мировая туристическая индустрия на современном этапе

В современной мировой экономике все более значимой становится сфера услуг. Именно ее развитие предопределяет социально-экономическую динамику многих стран. В свою очередь, в сфере услуг на протяжении ряда десятилетий растет сфера туризма, осуществляя все более значительный вклад в ВВП стран и мировой ВВП, а также поддерживая другие важнейшие показатели социально-экономической динамики.

Так, Всемирный совет по туризму и путешествиям (WTTC) в своем отчете за 2022 г. отметил, что в 2021 гг. вклад мирового туризма составлял 6,1% от мирового ВВП (0,8% относительно предыдущего года и обеспечивал более 280 млн рабочих мест в мире (табл. 1).

Таблица 1.

Туризм в мировой экономике в 2019–2021 гг.

Показатели	2019	2020	2021
Мировой ВВП сектора туризма и путешествий, в % к предыдущему году	103,5	49,6	121,7
Мировой ВВП, в % к предыдущему году	102,5	96,7	105,8
Вклад туризма в мировой ВВП, трлн долл. США	9,63	4,8	5,8
<i>в % от мирового ВВП</i>	<i>10,3</i>	<i>5,3</i>	<i>6,1</i>
Число рабочих мест в сфере туризма, млн ед.	333	271	289
<i>в % от общего числа рабочих мест в мире</i>	<i>10,0</i>	<i>8,3</i>	<i>9,1</i>
Инвестиции в основной капитал в сфере туризма, млрд долл.	986,2	693,2	...
<i>в % от общего объема инвестиций</i>	<i>4,4</i>	<i>3,2</i>	<i>...</i>

Источник: UNWTO, 2022.

В 2019 г. были зафиксированы самые высокие показатели туризма за всю его историю. В предшествовавший этому году период темпы роста мирового туризма составляли до 5% в год, в то время как рост мировой экономики — 2–3% в год, то есть туризм во многом стал фактором, способствующим развитию мировой экономики (Пирогов, Пирогова, 2017). Конечно, существовали различия в уровне развития туризма по странам и регионам. Например, в Узбекистане количество туристов превысило 6,7 млн человек, что на 25% выше показателей 2018 г. (5,346 млн чел.). В том числе в 2019 г. гостями Узбекистана стали 6,27 млн человек из стран СНГ, главным образом, из Российской Федерации.

Но с момента начала пандемии показатели туризма резко снизились из-за ограничений, введенных государствами — как в Узбекистане, так и в мире.

В 2020 г. из-за глобального распространения пандемии показатели туризма резко сократились, так как многие страны мира ввели карантинные меры, касавшиеся как въезда, так и выезда. По итогам 2020 г. ЮНВТО вынуждена была констатировать откат

туризма к состоянию 1990 г. (UNWTO, 2022). Но в 2021 г., как видно из табл. 1, туристическая активность в мире возросла в стоимостном объеме и по количеству туристических прибытий, хотя ее объемы и не достигли уровня 2019 г. В 2021 г. прямой вклад индустрии путешествий и туризма в валовой внутренний продукт (ВВП) мира оценивался в 5,8 трлн долларов США. Это составляет общий вклад в 6,1% мирового ВВП. С точки зрения человеческого фактора, мировая индустрия путешествий и туризма непосредственно обеспечила в 2021 г. 108 млн рабочих мест, что составляет 9,1% от общей численности занятых в мире. Это очень значимые цифры. В 2022 г. уровень туризма также не восстановился относительно 2019 г., но, по оценкам ЮНВТО, в 2023–2024 гг. этот рубеж должен быть, как минимум, достигнут, а возможно, и превзойден, что внесло бы свой весомый вклад и в общемировую экономическую стабилизацию.

Конечно, в разных странах ситуация с иностранным туризмом складывается дифференцированно, в зависимости от государственной политики, с одной стороны, а также тех объективных особенностей каждого конкретного государства, которыми оно обладает в сфере исторического, культурного, рекреационного и других видов туризма, получивших развитие на их территории, а также от уровня развития соответствующей туристской инфраструктуры и сферы гостеприимства. Поэтому изучение опыта тех или иных стран очень показательно, так как другие могут принять его на вооружение и улучшить, или, как минимум, попытаться изменить к лучшему, отечественную туристическую отрасль.

Развитие индустрии Туризма в Республике Узбекистан

Индустрии туризма в Узбекистане уделяется пристальное внимание со стороны государства в силу важности отрасли для национальной экономики и ее высокого потенциала. Последний во многом предопределяется наличием исторических, природных, рекреационных культурных, архитектурных и других достопримечательностей страны (см. рис. 1), связанных с древней историей и культурой Республики Узбекистан, а также имеющимися научными и другими достижениями. Например, Узбекистан находится на древнем Великом шелковом пути, возрождение интереса к которому, инициированное КНР, может стать одним из серьезных факторов возрождения интереса к Узбекистану как туристической дестинации.

Они расположены в разных областях страны и обеспечивают возможность поддерживать различные виды туризма, которые присутствуют в Узбекистане (некоторые из них сезонные) — спортивный, культурный, этнический, молодежный, велосипедный, паломнический, литературный, зимний, экологический, гастрономический, медицинский и др. К этому можно было бы добавить со временем и образовательный туризм.

В стране действует электронный реестр туроператоров (<https://uzbekistan.travel/ru/travel-agencies/>), что существенно упрощает для туристов решение их проблем в путешествии по Республике Узбекистан.



Рис. 1. Туристическая карта Республики Узбекистан.

Источник: Туристическая карта Узбекистана.

Таблица 2.

Динамика развития туризма в Республике Узбекистан в 2017–2021 гг., оценка на 2023 г. и прогноз до 2025 г.

Показатель	2017	2018	2019	2020	2021	2023	2025
Экспорт туристских услуг, млн долл. США	546,9	1041,0	1313,0	370,0	1399,1	1739,4	2232,8
Количество иностранных туристов, посетивших Узбекистан, тыс. чел.	2690,0	5346,8	6748,0	1504,1	6743,3	7865,4	9089,3
Количество внутренних туристов, тыс. поездок	10560	14000	15640	18000	18806	21867	25010
Количество туроператоров, ед.	561	983	1482	1158	1262	1458	1676
Количество гостиниц и аналогичных средств размещения, ед.	816	914	1188	1226	2394	2715	2994
Количество номеров в средствах размещения, тыс. ед	18,6	20,2	26,1	29,2	48,7	55,2	60,9

Источник: Абриев, 2022. Дополнено автором.

Как видно из табл. 2, в 2020 г. количество въездных туристов в стране сократилось более, чем на половину из-за распространения глобальной пандемии, 294 туроператора лишились работы, и страна понесла убытки. Но в 2021 г. показатели не только восстановились, но даже превысили допандемийный уровень, что существенно лучше мировых трендов.

По нашему мнению, причиной этой ситуации стало пристальное внимание, которое уделяется национальному туризму государством. Так, с начала 2016 г. Республика Узбекистана инициировала процесс фундаментальной трансформации туристической индустрии. За период 2016–2020 гг. в стране было принято свыше 60 законодательных и нормативных актов, направленных на развитие туристической отрасли, в том числе и Концепция развития туризма в Республике Узбекистан. Ее реализация предполагается в 2 этапа. На первом, в 2019–2020 гг. предполагалось проведение ряда институциональных реформ и инфраструктурных и маркетинговых улучшений. На 2-м этапе — 2021–2025 гг. — ставится задача достичь целевого показателя: обеспечения 5% ВВП за счет туризма. Однако достижение этой задачи — очень сложная задача, так как на данном этапе доля туризма не достигает в Узбекистане и 1% ВВП.

В то же время ожидается, что въездной туристический поток в Узбекистана в 2023 г. вырастет до 7 млн человек, или на 34%, а приоритетным иностранный рынок из всех стран СНГ — российский. В 2022 г. 2-е место среди стран-поставщиков туристов в Узбекистан заняла Турция, откуда въехали в Узбекистан 75,6 тыс. путешественников. На 3-м месте оказалась Республика Корея с 19,9 тыс. въехавшими в Узбекистан туристами. Далее по количеству въездных туристов следуют соответственно такие страны, как Германия (17,7 тыс.), Индия (16,8 тыс.), США (13,1 тыс.), Франция (11 тыс.),

Великобритания (10,5 тыс.), Азербайджан (10,4 тыс.) и Италия (8,8 тыс.) (Узбекистан планирует принять..., 2023).

В Узбекистане, по мнению экспертов, в сфере туризма сохраняется ряд отраслевых проблем. Можно разделить их на несколько категорий.

К первой мы относим такие проблемы, которые связаны с нормативным регулированием. Несмотря на то, что, как отмечалось выше, нормативно-правовая база туристической отрасли достаточно активно прорабатывалась в стране в последние 5–7 лет, в этой сфере остаются «белые пятна». Например, в сфере стандартизации туристической деятельности и гостиничного бизнеса, правила и режим регулирования социального туризма, меры налогового регулирования и стимулирования туристической отрасли.

Вторая категория проблем связана с ценовой политикой (высокие цены на транспортное обслуживание, прежде всего авиаперевозки; визовый режим; систему регистрации иностранцев в Узбекистане). Также сохраняется низкое покрытие потенциальных рынков отечественными и международными авиалиниями (Инагамходжаев, Исамиддинов, 2021).

Третья группа проблем связана с недостаточным уровнем развития инфраструктуры в Узбекистане — транспортной, инженерной, социальной, сервисной и придорожной.

Четвертая группа проблем — кадровая, т.е. в стране сегодня сохраняется недостаток квалифицированных специалистов в сфере туризма, гостиничного и ресторанного хозяйства. Образовательные программы, по оценкам работодателей, не в полной мере соответствуют требованиям и ожиданиям работодателей.

Однако, на взгляд автора, все эти проблемы последовательно могут найти свое решение при активизации внимания государства к отрасли.

Заключение

В Республике Узбекистан, как и в других странах мира, растет значимость туристической индустрии в национальной экономике в хозяйственном, социально-демографическом, инфраструктурном и других аспектах. Узбекистану важно укреплять свою экономику, диверсифицировать ее, искать новые возможности повышать ее эффективность. Это предопределяет объективную необходимость развития туристической отрасли в стране.

Существует объективная возможность развития туризма, базирующаяся на глубокой истории страны, древней культуре, яркой современности. Однако важно привлекать к развитию как государство, его административный, финансовый, нормативный ресурс, так и частный бизнес с его креативностью, гибкостью и быстротой в принятии решений и нацеленностью на успех.

Важно усилить международное сотрудничество в туристической сфере, прежде всего со странами СНГ и Российской Федерацией. Возможно, имеет смысл создавать совместные структуры в цифровом пространстве, которые могли бы продвигать туристический продукт и бренд Узбекистана на российский рынок и рынки других стран СНГ, например, Белоруссии и Казахстана.

Эти и другие меры могли бы активизировать туристическую деятельность в Республике Узбекистан и повысить ее эффективность.

Список литературы

1. Абриев З. С. (2022) Развитие социально-экономического потенциала туризма в Узбекистане в условиях пандемии COVID-19: перспективы на будущее через призму настоящего // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 4. С. 1361–1376. [Akhriev Z. S. (2022) Development of socio-economic potential of tourism in Uzbekistan in the context of the COVID-19 pandemic: prospects for the future through the prism of the present // Economics, Entrepreneurship and Law. Vol. 12. No. 4. Pp. 1361–1376. (In Russian).] DOI: 10.18334/epp.12.4.114360.
2. Инагамходжаев Ж., Исамиддинов И. (2021) Развитие сферы туризма в Республике Узбекистан // Scientific progress. Vol. 2. Is. 1. Pp. 866–870. [Inagamkhodjaev Zh., Isamiddinov I. (2021) Development of tourism in the Republic of Uzbekistan // Scientific progress. Vol. 2. Is. 1. Pp. 866–870. (In Russian).]
3. Международный туризм в 2022 году оказался на 37% ниже допандемийного 2019 года. [International tourism in 2022 was 37% lower than the pre-pandemic 2019. (In Russian).] URL: <https://www.atorus.ru/node/51037>
4. Пирогова О. В., Пирогова А. Ю. (2017) Роль устойчивого туризма в мире // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 7–2. С. 305–309. [Pirogova O. V., Pirogova A. Yu. (2017) The role of sustainable tourism in the world // International Journal of Applied and Fundamental Research. No. 7–2. Pp. 305–309. (In Russian).]
5. Салах Эль Дин М.С., Айдрус И. А. З. (2020) Теоретические и методологические основы формирования и продвижения туристических услуг в условиях глобальной нестабильности / В сборнике: Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности. I Международная междисциплинарная научно-практическая конференция. Москва–Ялта. С. 133–151. [Salah El Din M.S., Aidrous I. A. Z. (2020) Theoretical and methodological foundations of the formation and promotion of tourist services in conditions of global instability / In the collection: Socio-economic problems of regions in conditions of global instability. I International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference. Moscow–Yalta. pp. 133–151. (In Russian).]
6. Туристическая карта Узбекистана. [Tourist map of Uzbekistan. (In Russian).] URL: <https://www.uzbekistan.travel/ru/turisticheskaya-karta-uzbekistana/>
7. Узбекистан вошел в список самых быстрорастущих стран по туризму // Gazeta.uz. [Uzbekistan has entered the list of the fastest growing countries in tourism. (In Russian).] URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/02/04/tourism>
8. Узбекистан планирует принять 7 млн иностранных туристов в 2023 году. [Uzbekistan plans to receive 7 million foreign tourists in 2023. (In Russian).] URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/95432/>
9. UNWTO, 2022. International tourism will return to 60% of pre-pandemic levels in January-July 2022. URL: <https://www.unwto.org/news/international-tourism-back-to-60-of-pre-pandemic-levels-in-january-july-2022>

International tourism in Uzbekistan and development prospects

Mohammed Selim Salah El Din,

PhD in Economics, Managing Partner of East Step LTD, Cairo, Egypt.

The article analyzes the tourism sector in the Republic of Uzbekistan in the segment of international tourism. The purpose of the article is to investigate the current state of the industry, its potential and development opportunities, taking into account state development strategies. Based on statistical (including visualization method), institutional and other modern methods of scientific economic analysis, it is established that there is a high tourism potential in the Republic of Uzbekistan, the level of which is supported by the state. At the same time, the bulk of foreign visitors are citizens of the CIS, which, according to the author, narrows the possibilities of realizing the existing tourist potential. It is established that a number of problems remain in the tourism industry of Uzbekistan in various areas, such as legislative and regulatory, infrastructure, financial and personnel. However, in the author's opinion, all these problems can be solved with the activation of the state's attention to the industry.

Keywords: *international tourism, tourism potential, economic growth, global instability, diversification, economic development*

JEL codes: *Z31, Z32, L83.*

Экономика Алжира и роль углеводородных ресурсов

*Нуар Мохамед Амин*¹

В статье исследуется экономическая динамика в Алжирской Народной Демократической Республике (АНДР) в 2000–2021 гг. и роль нефти в ее стабилизации/дестабилизации под влиянием внутренних и внешних факторов. Цель статьи – обосновать необходимость дальнейших шагов страны в направлении реструктуризации экономики на основе адаптации опыта других нефтедобывающих стран арабского мира в том числе – в направлении развития альтернативных источников энергии. Институциональные методы, исторический, статистический и сравнительный анализ дали возможность обосновать выводы о том, что сегодня ситуация с позициями и значением нефтяной отрасли в экономике Алжира не претерпела фундаментальных изменений. Это обстоятельство, по мнению автора, может в перспективе довольно угрожающим образом сказаться на динамике национальной экономики и уровне жизни граждан страны. Для решения существующей столь длительное время проблемы Алжиру важно не только адаптировать опыт других стран, но активизировать непосредственное сотрудничество как в углеводородной, так и в других сферах экономики, в том числе – в обрабатывающей промышленности, так как именно она, наряду с сельским хозяйством, может обеспечить положительную экономическую динамику в стране.

Ключевые слова: *Алжир, нефть, мировой рынок, экономическая динамика, экономическое развитие, стабилизация, реструктуризация.*

JEL коды: *O11, O13, O40.*

Введение

Экономика Алжира, бывшей французской колонии, со сформированной в годы колониальной, а также постколониальной, зависимости отраслевой структурой хозяйства, базируется на добывающей промышленности. Важную роль катализатора хозяйственной эволюции сохраняют углеводороды. Эта углеводородная, прежде всего нефтяная, зависимость легла тяжелым бременем на национальную экономику Алжира (Кириллов, Ошкина, 2020; Ахмадиев, 2005), особенно в условиях резкой флуктуации мирового рынка, что отмечают многие исследователи (Ошкина, 2019). Роль нефти в экономике Алжира исследуется многими учеными, в том числе экономистами, бизнес-аналитиками, специалистами по энергетике.

В течение долгого времени в Алжире не предпринималось никаких попыток отказаться от углеводородной зависимости, в том числе и потому, что сохраняется важная роль Алжира в устройстве обеспечения энергетической европейской безопасности

¹ *Нуар Амин Мохамед* – аспирант экономического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

(Моногаров, 2020); одновременно инфраструктура отрасли постепенно деградировала (Суиди, 2023).

В то же время, на наш взгляд, ослабление нефтяной, газовой и в целом сырьевой зависимости алжирского национального хозяйства остается ведущей задачей уже в среднесрочной перспективе. Но насколько вероятно это ослабление? Какова роль углеводородов сегодня в алжирской – национальной и международной – экономической системе? Попытки дать ответы на эти вопросы стали целью данного исследования.

Результаты исследования

Алжирская экономика реинтервьюирована, и ее основным источником является топливо, что привело к изменению структуры алжирской экономики, за исключением положительного предложения в виде нефтяных доходов. Чтобы продемонстрировать это, нам просто нужно сослаться на фактическую информацию. Страна занимает шестнадцатое место по запасам нефти (12 200 000 000). Производство нефти достигает 1 698 786 баррелей в день. Кроме того, жизненно важно указать объем отгрузки нефти - 633 800 баррелей в день. К сожалению, алжирская экономика исключительно зависит от бензина, а поставки нефтяного газа осуществляются. Углеводороды составляют более 95% дохода от продукции.

Структурная трансформация для Алжира остается злободневной в силу необходимости активизации экономического роста, нестабильность которого, особенно на фоне экономической динамики Египта, Марокко, и даже Туниса (рис. 1).

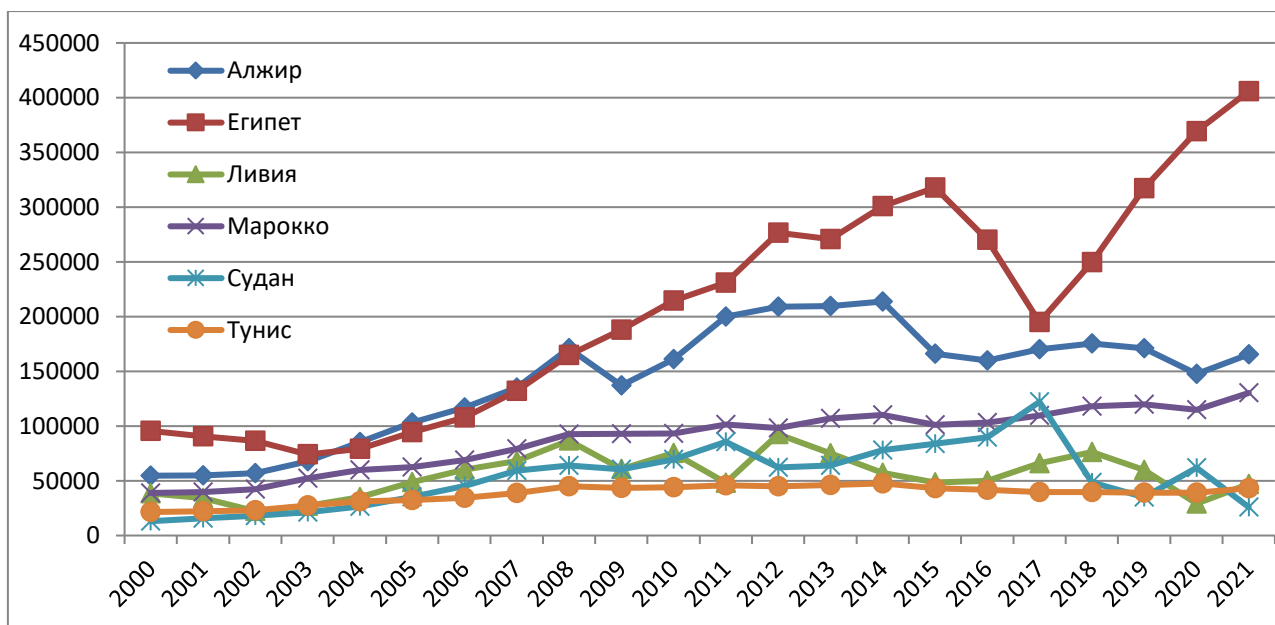


Рис. 1. Динамика ВПП Алжира и других стран Северной Африки в 2000–2021 гг., млн долларов.

Источник: UNCTAD. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

Стоит отметить, что ситуация стагнации складывается все более негативно именно с 2014 г., с момента введения массовых западных санкций, добивающихся дестабилизации экономики РФ. Эти меры уже нанесли негативное влияние мировой экономике (Melanina,

2016), и Алжир, фактически, стал еще одной из «жертв» этих санкций, хотя и косвенной. Из рис. 1 видно, что и в 2021 г. уровень производства ВВП в стране не достиг показателя 2014 г., хотя, конечно, свою негативную роль в этом сыграла и коронавирусная глобальная пандемия 2020 г., тоже, возможно, «рукотворная». В то же время экономический потенциал Алжира достаточно высокий: страна занимает 2-е место в регионе Северной Африки по показателю ВВП. Таким образом, задача ускоренного восстановления экономики Алжира выступает на передний план, ведь Алжир в масштабах Северной Африки достаточно крупная экономика и один из катализаторов региональной экономической интеграции в рамках Совета Арабского Магриба (САМ).

Соответственно, эта флуктуация, в том числе вызванная западными санкциями (хотя и косвенно, в том числе и из-за глобальной дестабилизации и падения инвестиционного интереса внешних игроков к алжирской экономике), негативно сказывается и на подушевых доходах (рис. 2), в том числе и на уровне жизни, а также обеспечивает консервирование основных социально-экономических проблем страны.

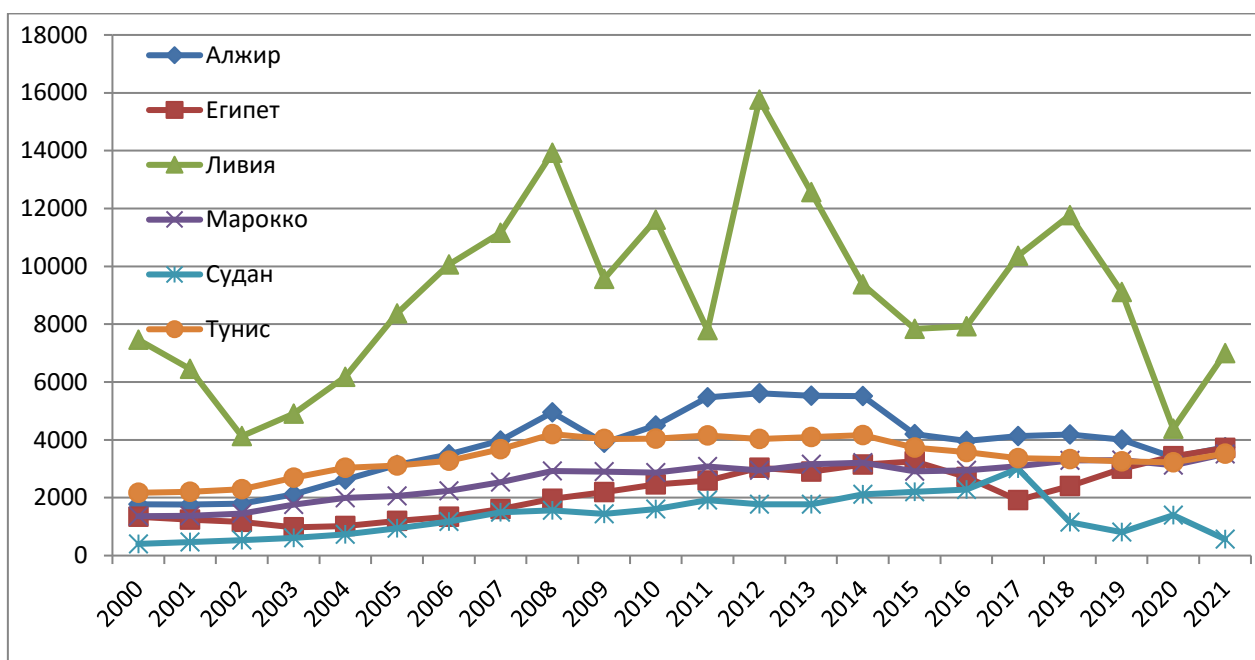


Рис. 2. Динамика подушевых доходов в Алжире и других странах Северной Африки в 2000–2021 гг., долларов.

Источник: UNCTAD. <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx>

Так, согласно данным Всемирного банка, в Алжире бедность снижается, но она остается высокой, особенно среди населения, проживающего в сельских районах и на юге страны. В 2018 г. более 23% населения жило за чертой бедности, а среди молодежи до 24 лет этот показатель составлял 27%.

Однако в последние годы правительство Алжира ведет политику социальной защиты, в том числе через программы государственных пособий и льгот для малообеспеченных семей. Кроме того, в 2020 г. было объявлено о запуске национальной программы по развитию социальных услуг, дорожной инфраструктуры и жилищного строительства в сельских районах страны, что направлено на улучшение качества жизни населения и борьбу с бедностью.

Эта борьба тем более значима, что в стране сохраняется проблема с безработицей в условиях устойчивого роста жителей (рис. 3). Как видно из рис. 3, Алжир занимает фактически 2-е место среди стран региона по количеству населения с соответствующим человеческим потенциалом и с устойчивым демографическим ростом (хотя и имеющим тенденцию к снижению, в том числе и вследствие проводимой государством политики (Балмасов, 2017), согласно данным UNCTAD. Это значит, что растет и доля молодежи в общем количестве населения страны. Молодежи, нуждающейся в работе. Но особенности практической части трудового законодательства налагают на работодателей ограничения на найм и увольнение работников, что, как показывает опыт, ограничивает создание рабочих мест.

В национальной экономике доминирует сектор нефтегазовой промышленности, а эта отрасль не создает столько рабочих мест, как другие отрасли экономики, и, соответственно, не может абсорбировать всю рабочую силу на соответствующем рынке Алжира. Кроме того, проблемы в системе образования поддерживают нежелание молодежи заниматься теми профессиями, где имеется потребность в рабочей силе.

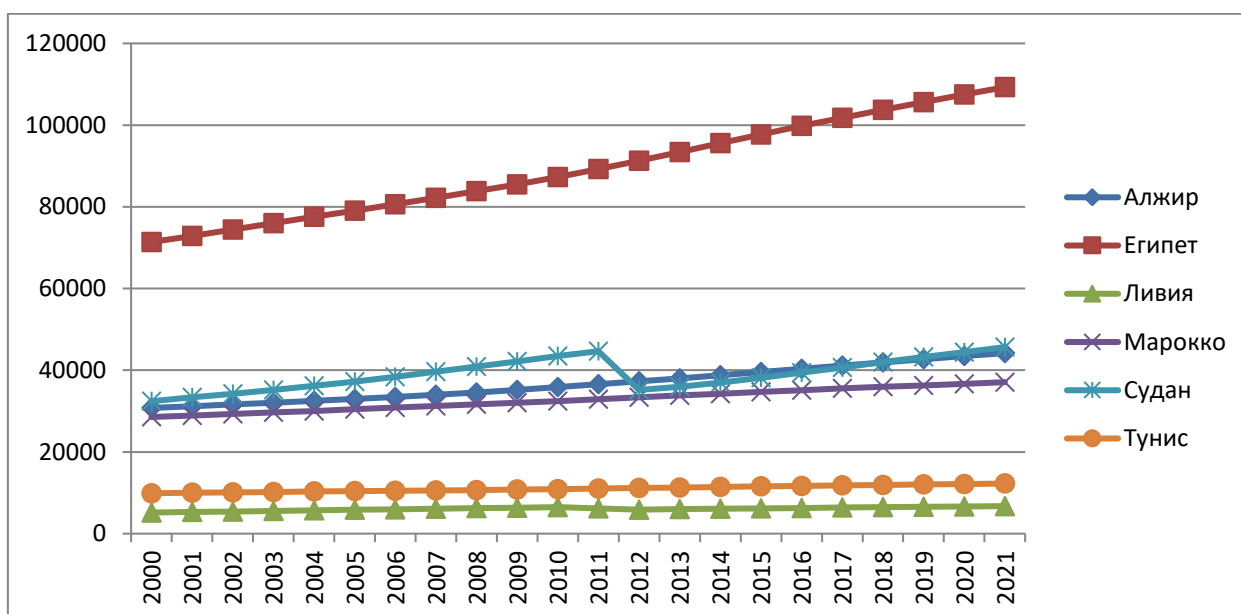


Рис. 3. Динамика изменения количества населения в Алжире и странах Северной Африки в 2000–2021 гг., млн человек.

При этом недостаток квалифицированных кадров в Алжире, особенно в нефтегазовых отраслях, может составить препятствие для развития определенных отраслей и снизить возможности для инвестиционных проектов. Да и стимулы инвестирования в нефтегазовые отрасли в стране сегодня минимальны, включая недостаточность инфраструктуры, что мешает наращиванию их развития. Это означает, что экономика ограничена в своем росте и увеличении количества рабочих мест, в том числе – из-за инвестиционных проблем которые сохраняются, несмотря на многие условия и гарантии, предоставляемые правительством.

Это значит, что финансирование малых и средних предприятий ограничено – как из-за ограниченности ресурсов, которые направляются главным образом в нефтегазовую сферу, так и из-за сохраняющихся сложностей в получении разрешительных документов и

неопределенностью законодательства. Это в совокупности обеспечивает медленный темп реализации инвестиционных проектов в Алжире.

Еще одной проблемой Алжира остается низкий уровень развития инфраструктуры. В стране существует не только дефицит дорог, но и железных дорог, портов, аэропортов, водохранилищ и электроэнергетической инфраструктуры. Это, в совокупности с низким уровнем инновационной активности, обеспечивает и низкий уровень конкурентоспособности алжирской экономики, несмотря на ее довольно значительный потенциал, опирающийся на территорию (она превосходит территорию всей Западной Европы), население и природные ресурсы.

Таким образом, основные проблемы экономики Алжира могут быть перечислены следующим образом:

1. Неэффективная структура экономики: экономика Алжира по-прежнему ориентирована на добычу и экспорт нефти и газа, что делает ее очень уязвимой для колебаний цен на эти товары и не позволяет обеспечить устойчивое развитие других отраслей.

2. Высокая безработица: несмотря на существующие успехи в сокращении безработицы за последние годы, Алжир по-прежнему сталкивается с острой проблемой высокой безработицы, особенно среди молодежи.

3. Недостаточный уровень инвестиций: быстрое развитие экономики требует значительных инвестиций, но Алжир до сих пор не смог привлечь достаточное количество внутренних и внешних инвесторов.

4. Ограниченный доступ к капиталу: большинство малых и средних предприятий в Алжире сталкивается с ограниченным доступом к кредитам, что ограничивает их возможности роста и развития.

5. Низкий уровень конкурентоспособности: несмотря на значительный экономический потенциал, Алжир по-прежнему страдает от низкого уровня конкурентоспособности из-за отсутствия технологических и производственных инноваций.

Очевидно, что, осознавая эти и другие проблемы, связанные главным образом с доминированием нефтяной сферы, Алжир предпринимает следующие меры для сокращения доли нефти в экономике:

1. Развитие альтернативных источников энергии, таких как солнечная и ветряная энергия. Алжир является крупнейшим производителем солнечной энергии в Африке.

2. Развитие других отраслей экономики, таких как сельское хозяйство и туризм.

3. Увеличение производства нефтехимической продукции, например, пластиков и удобрений.

4. Сокращение зависимости от нефтедобывающей отрасли путем разнообразия экспорта.

5. Повышение инвестиций в научно-исследовательские программы, направленные на разработку новых технологий, способных заменить нефть как источник энергии.

Однако, как подтверждает практика, сегодня этих мер недостаточно, или они недостаточно активно и полноценно имплементируются в национальную экономику. Поэтому, для активизации диверсификации национальной экономики, Алжиру важно концентрировать инвестиции в стратегические отрасли, прежде всего сельское хозяйство

и туризм, а также в инфраструктуру, промышленность и технологии. Для этого важно развивать законодательную базу и создавать условия для формирования более благоприятной инвестиционной среды, в том числе и за счет снижения бюрократического давления на национальных и иностранных инвесторов. Также стоит улучшить законодательство в сфере трудовых отношений, образовательном сегменте, а также в целом улучшать качество жизни, что будет способствовать увеличению внутреннего спроса и развитию внутреннего рынка, снижая, таким образом, нефтяную зависимость и обеспечивая диверсификационные процессы в экономической сфере.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что сегодня ситуация с позициями и значением нефтяной отрасли в экономике Алжира не претерпела фундаментальных изменений и оказывает негативное влияние на социальную сферу, а не только на экономическую. Это обстоятельство, по мнению автора, может в перспективе довольно угрожающим образом сказаться на динамике национальной экономики и уровне жизни граждан страны. Для решения существующей столь длительное время проблемы Алжиру важно не только адаптировать опыт других стран, но активизировать непосредственное сотрудничество как в углеводородной, так и в других сферах экономики, в том числе – в обрабатывающей промышленности, так как именно она, наряду с сельским хозяйством, может обеспечить положительную экономическую динамику в стране.

Но доля нефти не может быть сокращения в экономике Алжира резко, этот процесс требует длительного времени.

Список литературы

1. Ахмадиев Р. Я. (2005) Нефть и газ в экономике стран Арабского мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 147. № 3. С. 144–157. [Akhmadiev R. Ya. (2005) Oil and gas in the economy of the Arab world // Scientific notes of Kazan State University. Series: Humanities. Vol. 147. No. 3. Pp. 144–157. (In Russian).]
2. Балмасов С. С. (2017) Алжир начинает политику по снижению рождаемости / Институт Ближнего Востока РАН. [Balmasov S. S. (2017) Algeria begins a policy to reduce the birth rate / Institute of the Middle East of the Russian Academy of Sciences.]. (In Russian).] URL: <http://www.iimes.ru/?p=36424>
3. Кириллов В. Н., Ошкина А. (2020) Экономическое развитие Алжира: проблемы и перспективы // Россия и Азия. № 3 (12). С. 23–29. [Kirillov V. N., Oshkina A. (2020) Economic development of Algeria: problems and prospects // Russia and Asia. No. 3 (12). Pp. 23–29. (In Russian).]
4. Моногаров Н. Н. (2020) Алжирская Народная Демократическая Республика в системе энергетической безопасности Европейского союза // Экономические науки. № 184. С. 152–157. [Monogarov N. N. (2020) The Algerian People's Democratic Republic in the energy security system of the European Union // Economic sciences. No. 184. Pp. 152–157. (In Russian).]

5. Ошкина А. (2019) Алжир: экономическая динамика и роль внешнеторговой составляющей // Инновационная экономика. № 1 (18). С. 2. [Oshkina A. (2019) Algeria: economic dynamics and the role of the foreign trade component // Innovative economy. No. 1 (18). P. 2. (In Russian).]

6. Суиди М. (2023) Новый Алжир: признаки и проблемы реальной экономики // Финансовая экономика. № 1. С. 155–158. [Suidi M. (2023) New Algeria: signs and problems of the real economy // Financial Economics. No. 1. Pp. 155–158. (In Russian).]

7. Melanina M. (2016) The role of sanctions in modern conditions of globalization and their impact on the Russian economy // The Genesis of Genius. № 1. С. 16–19.

8. UNCTAD. URL:<https://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx>

Algeria's economy and the role of hydrocarbon resources

Nouar Mohamed Amine,

Postgraduate student of the Faculty of Economics of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

The article examines the economic dynamics in the Algerian People's Democratic Republic (ANDR) in 2000–2021 and the role of oil in its stabilization/destabilization under the influence of internal and external factors. The purpose of the article is to substantiate the need for further steps of the country in the direction of economic restructuring based on the adaptation of the experience of other oil-producing countries of the Arab world, including in the direction of the development of alternative energy sources. Institutional methods, historical, statistical and comparative analysis made it possible to substantiate the conclusions that today the situation with the positions and importance of the oil industry in the Algerian economy has not undergone fundamental changes. This circumstance, according to the author, may in the future have a rather threatening effect on the dynamics of the national economy and the standard of living of citizens of the country. In order to solve the problem that has existed for such a long time, it is important for Algeria not only to adapt the experience of other countries, but also to intensify direct cooperation in both the hydrocarbon and other sectors of the economy, including the manufacturing industry, since it, along with agriculture, can ensure positive economic dynamics in the country.

Keywords: *Algeria, oil, world market, economic dynamics, economic development, stabilization, restructuring.*

JEL codes: *O11, O13, O40.*

О несовершенстве государственных программ города Москвы: критические выводы и предложения по совершенствованию

Яндиев Магомед Исаевич¹

В статье представлен авторский анализ государственных программ города Москвы на 2022–2024 гг. Автором проводится и формальный, и содержательный анализ государственных программ города Москвы, оцениваются их результаты. Исследование посвящено не критике или оценке результативности государственных программ города Москвы. Эти программы играют значительную роль в развитии города — социально-экономическом, охватывающим многие направления жизни города. Оно о невысоком качестве текстовой части госпрограмм, что объективно не позволяет исполнительной власти достичь максимально возможных результатов работы. Автором разработан ряд предложений, направленных на улучшение текстовой части и повышение эффективности и результативности Государственных программ г. Москвы, в кратко- и среднесрочной перспективе. Их реализация позволит повысить как значимость, так и результаты и полноту реализации государственных программ города Москвы.

Ключевые слова: Москва, государственные программы, социально-экономическое развитие, ключевые приоритеты Правительства, совершенствование развития, цели, показатели, конечные результаты, качество, рекомендации.

JEL коды: R11, R13, R58.

Введение

Фундаментом и даже каркасом всей бюджетно-финансовой системы города Москвы служат ее государственные программы. Они лежат в основе всех мероприятий, осуществляемых Правительством Москвы, и выражают в сжатом виде все цели и ключевые приоритеты Правительства, от них зависит, каким образом и в какую сторону будет развиваться город в кратко- и среднесрочной перспективе. 13 государственных программ включают в себя 79 целей (Государственные программы города Москвы), хотя и, на наш взгляд, недостаточно проработанных, как отмечалось автором данной статьи в предыдущих исследованиях (см., например: Яндиев и др., 2020).

В силу этого государственные программы города Москвы (ГП) — это важнейший институт города, направленный на его всестороннее развитие сегодня и в перспективе (рис. 1). Поэтому очень важно исследовать эффективность государственных программ города Москвы и их результаты. Эта работа была проведена в продолжение исследования от 2020 года "О госпрограммах города Москвы" (О госпрограммах города Москвы), в котором был сделан вывод о наличии в текстах ГП критически значимых недостатков.

¹ Яндиев Магомед Исаевич — кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; депутат Московской городской Думы, Москва, Россия.

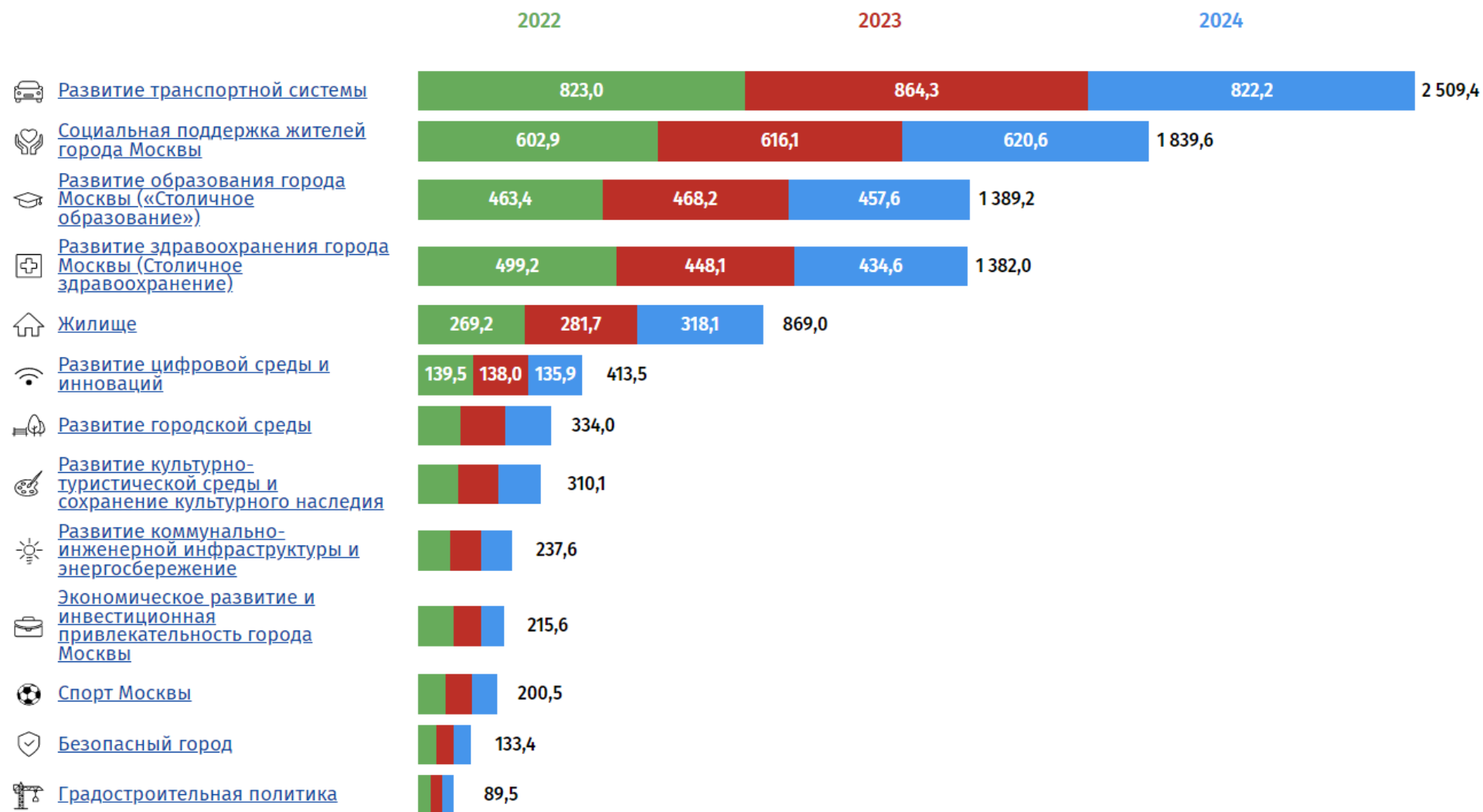


Рис. 1. Государственные программы города Москвы в 2022–2024 гг.
 Источник: Государственные программы. URL:

Несмотря на обоснованность этого вывода, Правительство Москвы не отреагировало на исследование и не исправило недостатки. Поэтому в 2022 г. мы вновь вернулись к этой теме. В январе-марте 2022 г. автор провел серию интервью с руководителями департаментов Правительства Москвы — ответственными исполнителями всех 13 государственных программ города Москвы.

По итогам интервью сформулированы следующие выводы

Не существует (так и не сформирован) механизм управления государственными программами. Каждый год содержание государственных программ (цели, показатели, состав мероприятий) корректируется под изменение бюджета города (т. е. под наличие денег). В то же время изменение ГП, исходя из необходимости достижения целей государственных программ, — как, собственно говоря, оно и должно быть, — такая практика до сих пор не сформирована.

Разработка государственных программ производится самими ответственными исполнителями. При этом выбор как наименований конечного результата (НКР), так и их значений, субъективен. Независимая экспертиза проекта государственных программ не проводится.

Формулировки целей государственных программ в ряде случаев не являются целями по сути и представляются на самом деле миссией государственных программ, что в принципе не позволяет определить факт достижения таких «целей».

Используемые при формулировке целей термины в ряде случаев остаются общеизвестными эмоциональными смысловыми конструкциями, не имеющими юридического закрепления в законодательстве, в т.ч. московском.

НКР в большинстве случаев не отражают содержательно цели государственных программ; в ряде случаев вовсе не прослеживается связь НКР с целями. В некоторых госпрограммах НКР уже достигли своего максимального значения, и вызывает недоумение план по достижению 100% на будущие годы, когда 100% уже достигнуто в прошедшем году.

По большинству государственных программ не прослеживается прямая связь госпрограмм Москвы с федеральными нацпроектами и государственными программами Московской области.

Эффективность государственных программ определяется фактически самостоятельно ответственными исполнителями госпрограмм. При этом эффективность оценивается больше по степени освоения бюджетных средств, а не по достижению конечных результатов. Оценка эффективности производится зачастую на основе отчетности своих же собственных подведомственных структур. В случаях, когда проводятся опросы для определения фактических значений НКР, их проводят не независимые от Правительства Москвы структуры.

Срок действия государственных программ фактически не установлен. Их ежегодное продление на период бюджетной трехлетки выхолащивает суть госпрограммы, как документа, нацеленного на достижение определенных целей к установленному сроку.

Таким образом, отталкиваясь от вышеперечисленных выводов, можно констатировать, что государственные программы являются своеобразной надстройкой над бюджетом города, имеющей исключительно имиджевый характер и имитирующей

наличие у города долгосрочных макроэкономических и политических приоритетов. Кроме того, просим принять во внимание, что замечания, изложенные в нашем предыдущем исследовании, не устранены и также по-прежнему актуальны. Сложившаяся ситуация вредит развитию города и лишает его руководство важных рычагов управления, а жители столицы не получают в полной мере тех благ и услуг, которые они могли бы иметь при таком бюджете, какой есть у Москвы.

Заключение: авторские предложения

В связи с вышеизложенным предлагаем Правительству города Москвы рассмотреть следующие меры по совершенствованию государственных программ (без изменений перечня программных мероприятий). Вначале перечислены меры, которые можно реализовать незамедлительно, без внесения изменений в законодательство; далее представлены меры, для реализации которых необходимо внесение изменений в законодательство.

Для реализации в ближайшей перспективе:

(предполагается корректировка Паспорта каждой из 13 госпрограмм)

1. В дополнение к целям госпрограмм, которых может быть несколько, например, по количеству подпрограмм, предусматривается миссия каждой государственной программы:

- миссия — то, ради чего эта ГП создана (тот функционал, который выполняется в рамках этой ГП постоянно);
- цель — то, что необходимо достичь, чтобы исполнять миссию максимально эффективно.

2. Скорректировать формулировки целей государственных программ, в т.ч.:

- исключить НКР со 100% достижением и НКР с неизменными (постоянными) величинами;
- заменить или юридически расшифровать используемые в текстах государственных программ неформализованные термины: «Качество жизни», «Здоровый образ жизни», «Личная успешность жителей», «Социокультурная среда», «Комфортные условия жизнедеятельности населения», «Качество жилищного фонда», «Московский регион», «Экосистема цифровой экономики города Москвы», «Культурный уровень жителей города».

3. Пересмотреть количество НКР:

- установить применительно к миссии государственных программ только одно НКР — процент удовлетворенности населения исполнением этой миссии; определяется путем опроса населения независимой от органов власти профессиональной организацией.
- установить 7–15 НКР, в совокупности покрывающих описание каждой цели.

Порядок определения величины НКР оставить текущим.

Формулировки миссий, целей и НКР для всех госпрограмм устанавливаются приказом Департамента экономической политики и развития города Москвы (ДЭПиР). К подготовке приказа ДЭПиР привлекает экспертное сообщество и ответственных исполнителей государственных программ.

Для реализации в среднесрочной перспективе:

(требуется внесение изменений в 56-ПП от 4.03.2011 и 269/143-ПП от 17.12.2013)

1. Установить прогнозные значения НКР госпрограмм, исходя не из существующих тенденций, как это делается сейчас, а исходя из желаемого «образа Москвы будущего», который будет сформулирован в Программе социально-экономического развития Москвы или ином документе.

2. Обеспечить содержательную связь НКР ГП столицы с НКР федеральных нацпроектов и НКР ГП Московской области, создать для этой цели межведомственную рабочую группу.

3. Провести ревизию подпрограмм, в т.ч. убрать повторы функционала органов власти и пересечения предметных областей.

4. Сформулировать миссии, провести пересмотр целей и НКР ГП столицы для всех подпрограмм.

5. Разработать новый механизм оценки эффективности госпрограмм, основанный на достижении значений НКР.

6. Установить, что ежегодный отчет о ходе исполнения государственных программ заключается в презентации фактически полученных значений НКР и объяснении, при необходимости, причин недостижения установленных значений и мер по исправлению ситуации.

7. Установить срок, в течение которого цели государственных программ, наименование и величина НКР не могут пересматриваться. Предлагаемый вариант — 5 лет (мэр города сможет менять эти параметры только один раз за свой срок).

8. С учетом предыдущего пункта выносить на обсуждение в МГД один раз в 5 лет в режиме «принять к сведению» базовые параметры государственных программ города Москвы — наименования ГП, миссии, цели, НКР и их значения — до принятия бюджета города на очередной период.

Работа выполняется ДЭПиР, который привлекает к этой работе представителей экспертного сообщества, ответственных исполнителей государственных программ, заинтересованные органы власти Московской области и федерального центра.

Список литературы

1. Государственные программы города Москвы. [State programs of the city of Moscow. (In Russian).] URL: www.mos.ru/dit/documents/gosudarstvennaya-programma-goroda-moskvy/

2. Государственные программы [State programs. (In Russian).] URL: https://budget.mos.ru/budget/gp?analytys_year=2022&analytys_stage=planned&version=1331&mbr=0.

3. О госпрограммах г.Москвы. [About the state programs of Moscow (In Russian).] URL: http://yandiev-m.ru/?page_id=262/

4. Постановление Правительства Москвы №56–ПП «Об утверждении порядка разработки и реализации государственных программ города Москвы». [Resolution of the Government of Moscow No. 56–PP "On Approval of the Procedure for the development and implementation of State programs of the City of Moscow". (In Russian).] URL: <https://base.garant.ru/396596/>

5. Яндиев М. И., Климов Е. Б., Магомедова Ю. Д., Цечоев М. И. (2020) Государственные программы города Москвы: цели, сроки, показатели // Россия и Азия. №

5 (14). С. 65–71. [Yandiev M. I., Klimov E. B., Magomedova Yu. D., Tsechoev M. I. (2020) State programs of the city of Moscow: goals, deadlines, indicators // Russia and Asia. No. 5 (14). Pp. 65–71. (In Russian).]

**On the imperfection of the state programs of the city of Moscow:
critical conclusions and suggestions for improvement**

Magomed Isaevich Yandiev,

PhD of Economic, Associate Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Deputy of the Moscow City Duma, Moscow, Russia.

The article presents the author's analysis of the state programs of the city of Moscow for 2022–2024. The author conducts both formal and substantive analysis of the state programs of the city of Moscow, evaluates their results. The study is not devoted to criticism or evaluation of the effectiveness of state programs of the city of Moscow. These programs play a significant role in the development of the city — socio-economic, covering many areas of city life. It is about the low quality of the textual part of state programs, which objectively does not allow the executive power to achieve the maximum possible results of work. The author has developed a number of proposals aimed at improving the textual part and increasing the efficiency and effectiveness of State programs in Moscow in the short and medium term. Their implementation will increase the effectiveness and efficiency of the state programs of the city of Moscow.

Keywords: *Moscow, state programs, socio-economic development, key priorities of the Government, improvement of development, goals, indicators, final results, quality, recommendations.*

JEL codes: *R11, R13, R58.*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ / ECONOMIC THEORY AND HISTORY

Совет Экономической Взаимопомощи: уроки для современности?

Шкваря Людмила Васильевна¹

В статье дается ретроспективный анализ возникновения и развития интеграционного объединения социалистических стран — Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), интерес к деятельности которого постепенно возрождается в России. В статье показана значительная роль деятельности СЭВ для социально-экономического развития стран-участниц объединения, выступавшего его катализатором. Также, по мнению автора, опыт социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ может оказаться востребованным в современном мире в условиях, с одной стороны, роста глобальной нестабильности, а с другой — необходимости обеспечения устойчивости социально-экономического развития отдельных стран и регионов и поиска новых (или бывших ранее?) инструментов и механизмов для достижения этой задачи. Автор обосновывает точку зрения о достижении главной задачи СЭВ — скорейшем и успешном восстановлении национальных экономик стран Центральной и Восточной Европы в послевоенный период. Целью статьи является ретроспективный анализ социалистической экономической интеграции как процесса, проходившего в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), его уроков и опыта, которые можно извлечь и адаптировать в той или иной форме для современной практики.

Ключевые слова: Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), социалистическая экономическая интеграция, эффективность интеграции, принципы интеграции, проблемы интеграции.

JEL коды: B24, N14, N44, O19.

Введение

Интеграционные процессы развиваются в мировой экономике поступательно на протяжении многих десятилетий — как в целом, так и в отдельных регионах и/или интеграционных блоках. Опыт интеграционных объединений сохраняет большое значение, так как, по словам П. Самуэльсона, в экономике нет ничего нового.

¹¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, зав. лаборатории мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Многие авторы в своих исследованиях обращались к тематике СЭВ, например, О. Т. Богомолов (1971), Ю. С. Ширяев (1972), М. М. Максимова (1969). Концепция социалистической экономической интеграции была разработана видными советскими экономистами Н. А. Вознесенским, Е. С. Варгой, А. М. Румянцевым и целой группой ученых, которых поддержало руководство СССР. Теория и практика экономической социалистической интеграцией разрабатывалась и так называемой «украинской экономической школой», видным представителем которой был А. С. Филипенко (1985). Стоит отметить, что некоторые исследователи, стоявшие у истоков разработки теории социалистической экономической интеграции и ее методологии, сегодня снова обращаются к исследованию этого предмета (см., например, Широков, 2006; Широков, 2013; Максимова, 2007).

Сегодня и у других экономистов, а также у историков, изучающих экономические процессы, постепенно возрождается интерес к социалистической экономической интеграции как самостоятельной и специфической форме интеграционных процессов, ее особенностям, методологии и инструментарию, ее результатам и причинам ухода с исторической сцены. Многие ученые исследуют ее опыт (Гурский, 2019), эффективность, достижения и проблемы (Результаты трансформации..., 2013), причем как с точки зрения отечественных трактовок, так и зарубежных (Осипов, 2018; Руднев, 2016), сравнивают СЭВ и ЕЭС (Жириков, 2020).

Оценки деятельности СЭВ также различны. Одни исследователи утверждают, что организация «... с самого начала была призвана в первую очередь обслуживать внешнеполитические интересы Советского Союза в Восточной и Юго-Восточной Европе и выполнять роль противовеса "Плану Маршалла"» (Дашичев, 2009). Ряд «либеральных ученых» в России сегодня очень жестко и агрессивно отстаивают эту точку зрения — о реализации Советским Союзом некоего акта прямого политического насилия в отношении стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Другие — и их большинство, как показывает наше исследование — с этой позицией не согласны. Они утверждают, опираясь на существующие документы, что создание социалистического экономического блока было инициировано восточноевропейскими странами (Мурашко, 1997. С. 946). Термин «экономический блок» впервые был использован членом Политбюро Румынской РП (Рабочей партии), министр финансов Румынии В. Лука (Габианский, 2003. С. 174).

Целью статьи является ретроспективный анализ социалистической экономической интеграции как процесса, проходившего в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), его уроков и опыта, которые можно извлечь и адаптировать в той или иной форме для современной практики.

Результаты исследования

Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) был учрежден в 1949 г. как интеграционное объединение социалистических стран Центральной и Восточной Европы, к которому впоследствии присоединились социалистические государства других частей мира. Учредителями Совета экономической взаимопомощи явились СССР, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Чехословакия. Блок был призван путем объединения и координации экономик стран-членов содействовать дальнейшему углублению и

совершенствованию сотрудничества и развитию социалистической интеграции. Позже в состав СЭВ вошли Албания (1949 г.), ГДР (1950 г.), Монголия (полноправный член с 1962 г.), Югославия (ассоциированный член с 1964 г.), Куба (1972 г.), Вьетнам (1978 г.). В 1950-х гг. в качестве наблюдателей в организацию вступили Югославия, Монголия, КНР и КНДР. Европейские социалистические страны рассматривались как ядро, образующее основу мирового социалистического хозяйства. Штаб-квартира СЭВ располагалась в Москве.

Целью создания СЭВ, как отмечалось в официальной декларации, было стимулирование процесса сотрудничества и экономической интеграции социалистических стран.

Главными задачами СЭВ были провозглашены (Устав, 1960):

- Координация народнохозяйственных планов развития стран–участниц, а также научно-технических работ;
- Деятельность, связанная с международной кооперацией и специализацией стран содружества и соответственно подготовка рекомендаций национальным правительствам в соответствующих областях экономической политики;
- Разработка механизма международных расчетов между участниками СЭВ.

В рамках СЭВ были созданы специализированные отраслевые международные комиссии (по промышленности, энергетике, продовольствию, НТП и т.д.), международные исследовательские институты и центры; важную роль играла специфическая валюта СЭВ — переводной рубль.

Интеграционное сотрудничество стран–членов СЭВ было основано на определенных **принципах**:

- Единство политики и экономики;
- Принцип социалистического интернационализма;
- Постепенное выравнивание уровней экономического развития;
- Обеспечение взаимовыгодности хозяйственных связей в рамках СЭВ;
- Обязательность совместно принимаемых решений.

Эти принципы сотрудничества предопределяли характер интеграционного взаимодействия и его основы:

1. Однотипность экономических систем в странах блока (основа — командно-административная система на основе государственной собственности на основные производственные фонды);

2. Внутрисоциалистический товарообмен (основа — взаимные плановые поставки по преференциальным ценам; средство расчета — переводной рубль. Неконвертируемость национальных валют).

Главной формой взаимодействия являлась плановая деятельность. Она включала в себя совокупность форм и методов сотрудничества стран–членов СЭВ в первую очередь в сфере материального производства, углубления и совершенствования его специализации и кооперирования, использования в общих интересах достижений НТП.

Стратегия экономического развития стран СЭВ, прежде всего их индустриализации, опиралась на рост производственного потребления природных и материальных ресурсов, на включение в общественное производство, особенно в промышленное, новых трудовых ресурсов. Конечно, в разные годы в тех или иных странах СЭВ преобладали различные тенденции экономического роста — капиталоемкие,

энергоёмкие, трудоёмкие, но все они в целом характеризовали экстенсивную «ресурсопоглощающую» модель экономического развития (Управление социалистической экономической интеграцией, 1988. С. 36). Это привело к замедлению экономического развития стран СЭВ (см. табл. 1) и сделало жизненно необходимым переход на иную модель экономического роста.

Таблица 1.

Среднегодовые темпы роста* экономики стран СЭВ, %.

	НРБ	ВНР	ГДР	ПНР	СРР	СССР	ЧССР
1. Национальный доход	7,8	6,2	5,1	9,8	11,4	5,7	5,5
	6,1	2,8	4,1	1,2	7,0	4,3	3,3
	3,7	1,4	4,4	0,0	4,4	3,5	1,7
2. Промышленное производство	9,1	6,4	6,5	10,4	12,9	7,4	6,7
	6,0	3,4	4,9	4,7	9,6	4,4	4,6
	4,3	2,0	4,1	0,4	4,1	3,7	2,7
3. Капитальные вложения	8,6	7,0	4,8	17,5	11,5	6,8	8,0
	4,0	2,4	3,4	-3,0	8,5	3,3	2,8
	4,6	-3,1	-0,8	-2,5	-0,1	3,5	-1,0
4. Основные фонды народного хозяйства	7,8	5,7	4,4	5,9	9,6	7,9	4,5
	7,6	6,0	4,3	6,4	9,1	6,8	4,6
	6,6	4,4	3,9	2,6	8,3	6,0	4,9
5. Потребление энергоресурсов	4,0	3,0	1,0	4,1	5,3	5,1	2,6
	3,9	3,6	1,9	4,6	4,6	2,9	2,1
	1,2	-0,3	0,0	-1,8	0,3	1,8	-0,1
6. Численность рабочих и служащих государственного и кооперативного секторов	6,0	1,4	3,6	3,6	4,2	2,5	1,2
	1,3	0,2	1,0	0,5	3,2	2,0	1,1
	0,4	-0,8	0,4	-0,6	0,8	1,0	0,8

* Данные за три пятилетия: 1971–1975; 1976–1980; 1981–1985.

Источник: цитируется по: Управление социалистической экономической интеграцией, 1988. С. 38.

Однако в условиях преимущественно экстенсивного экономического роста был создан мощный экономический потенциал, составлявший примерно $\frac{1}{4}$ общемирового, в том числе в промышленности — $\frac{1}{3}$ мирового (Управление социалистической экономической интеграцией, 1988. С. 37).

Страны СЭВ занимали 18% территории Земли и сосредотачивали менее $\frac{1}{10}$ всего населения, производили более 35% мировой промышленной продукции и более 25% национального дохода.

В первые годы после создания СЭВ оборот внешней (взаимной) торговли стран содружества был, как и ранее, небольшим (см. табл. 2). Однако принцип МРТ официально был признан полезным и рекомендован к применению в социалистических странах, т.к. внешняя торговля способствовала росту экономической взаимозависимости и усилению политических связей.

Таблица 2.

Географическая структура внешнеторгового оборота шести стран
Восточной Европы* в 1938–1990 гг. (в %)

	1938	1948	1958	1970	1980	1990
СССР	1,2	15,9	39,8	38,4	36,9	38,8
Другие европейские страны СЭВ	15,1	15,6	26,7	28,2	24,3	12,8
Западная Европа	73,2	49,9	18,0	21,7	29,5	32,5
Остальные регионы	10,5	18,6	15,5	11,7	9,3	15,9

* Болгария, Венгрия, ГДР (с 1960 г. по 1990 г.), Польша, Румыния, Чехословакия.

Источник: Рассчитано по: IMF. Direction of Trade; U.N. Statistical Yearbook за соответствующие годы.

Как видно из табл. 2, удельный вес стран Западной Европы и остального несоциалистического мира продолжал быстро уменьшаться в пользу взаимной торговли стран СЭВ и особенно их торговли с СССР. Уже к 1950 г. более половины внешнеторгового оборота государств-членов СЭВ осуществлялось внутри этого блока, большая часть обмена остальных стран приходилась на Советский Союз. В 1950-х гг. торговый оборот между странами СЭВ ежегодно увеличивался на 12%, в 1960-е гг. — на 9%, а с 1970 по 1978 гг. — на 15%. Более того, доля взаимного обмена стран СЭВ в их внешней торговле была достаточно высокой, составляя около 60% в период между 1955 и 1980 гг. Торговый оборот стран блока в 1977 г. составлял лишь 5% от общемирового, тогда как его вклад в мировое производство достигал 30% (Ван дер Вее, 1994. С. 255–265).

Доля стран СЭВ в мировой торговле представлена в табл. 3. Причины сокращения удельного веса стран этой группы в мировом товарообороте носили как политический, так и экономический характер. Факторы структурного порядка нарушали развитие внутреннего рынка СЭВа и в значительной степени препятствовали интеграции социалистических экономик в мировой торговый оборот. «Холодная война» была главной политической причиной.

Концентрация внутрирегиональной торговли в СЭВ достигла кульминации к началу 1960-х гг., когда ее доля во внешнеторговом обороте европейских государств-членов этого блока превысила 70%. Однако какова была природа этих связей?

1. Основа интеграции. Централизованное управление экономикой сделало невозможным развитие прямых международных хозяйственных связей на микроэкономическом уровне. Но, согласно теории и практике международной экономической интеграции, именно такие связи, разрастаясь вглубь и вширь, обеспечивают постепенное сращивание национальных экономик и превращают интегрирование в самоуглубляющийся и необратимый процесс.

2. Цены. Социалистическая экономическая интеграция столкнулась с неразрешимым противоречием между плановым хозяйственным механизмом внутри стран-участниц и объективной необходимостью рыночного механизма для обеспечения экономического взаимодействия этих стран, который проявлялся в необходимости использовать в качестве основы взаимной торговли цены мирового рынка. Последние постоянно менялись, в то время как долгосрочные плановые задания социалистической экономики строились на устойчивых ценах и ценовых соотношениях между различными товарными группами.

Таблица 3.

Распределение мировой торговли по регионам в 1963–1981 гг. (доли в процентном соотношении экспорта и импорта)

Страны, регионы	1963		1968		1973		1975		1977		1979		1981	
Промышленные регионы	64,0	64,5	67,5	67,5	68,0	69,5	64,0	64,5	62,5	66,0	65,5	67,0	61,0	63,5
Развивающиеся страны, традиционные экспортеры нефти	6,0	3,0	6,0	3,0	7,5	3,5	13,0	6,5	13,0	7,5	13,0	6,0	14,0	8,0
Другие развивающиеся страны	14,5	18,0	12,0	16,0	12,0	14,5	11,5	16,0	12,5	15,5	12,5	16,0	13,5	17,5
Страны Восточного блока	12,0	11,5	11,5	10,5	10,0	10,0	10,0	10,5	9,5	9,5	9,0	9,5	9,5	8,5
Неопределенные	3,5	3,5	3,5	3,0	2,5	3,0	1,5	2,5	3,0	1,5	2,0	1,5	2,0	2,5

Источник: Ван дер Вее, 1994. С. 257.

3. Поэтому фактически в целях стабилизации цен во взаимной торговле стран-участниц применялись средние за предшествующую пятилетку мировые цены — «очищенные от спекулятивных и конъюнктурных колебаний» мирового рынка. Сформированные во многом искусственно, такие цены не были достаточно динамичными и не позволяли использовать их в качестве даже приблизительных ориентиров эффективности или неэффективности сделок.

Система международных расчетов. Неконвертируемость национальных валют и постоянный дефицит твердых валют привел к необходимости изобретения условной денежной единицы — «переводного рубля». Переводным он был потому, что страны СЭВ, обладавшие этими рублиями, могли переводить их со своего счета в Международном банке экономического сотрудничества (МБЭС создан в 1963 г.) на счет другого государства-члена этого банка. Такие переводы должны были выполнять роль клиринга и тем самым способствовать развитию многосторонней торговли между странами СЭВ. Это приводило к развитию двустороннего обмена преимущественно бартерного характера.

Позитивными результатами деятельности СЭВ можно считать следующие:

1. СЭВ способствовал выравниванию национально-территориальных диспропорций в ряде экономически отсталых стран и формированию в них относительно прогрессивной структуры промышленности (Румыния, Болгария, Польша).

2. Международное социалистическое разделение труда и специализация производства давали ощутимые положительные результаты, особенно для тех стран, которые не могли самостоятельно строить крупные промышленные объекты (Болгария, Венгрия, Румыния) — вплоть до середины 1970-х гг.

3. Более развитые страны СЭВ с большим успехом сотрудничали в торгово-экономической области, в том числе и в программах, реализуемых в «третьих» странах (Чехословакия, ГДР, Венгрия).

Но были и недостатки, прежде всего в системе экономического механизма. Некоторые из них были связаны с тем обстоятельством, что «сближение экономик социалистических стран является таким объективным процессом, который не исключает проявления специфических интересов отдельных стран», более того, некоторые экономисты из социалистических стран «постулировали идею о примате национальных экономических интересов и на этой основе — отказ от органического включения национального народнохозяйственного комплекса в интеграционный процесс» (Крюкова и др., 1978. С. 26–27). Интересно, что теперь думают в странах Центральной и Восточной Европы о примате национальных интересов...

Крупным недостатком в деятельности СЭВ являлась государственная монополия, что не позволяло осуществлять заинтересованную интеграцию на микроэкономическом уровне. Повышенная доля накопления в национальном доходе — до 35–40%, с одной стороны, способствовала сохранению низкого уровня жизни населения, а с другой — стимулировала процессы форсированного развития «производства ради производства». Это препятствовало решению проблемы дефицита и качества продукции, что, в свою очередь, не создавало стимулов к реальной интернационализации хозяйственной жизни, как объективного требования развития производительных сил. Противоречивые попытки наднациональными средствами (через механизм СЭВ) достигнуть глубины интернационализации международного уровня не могли быть успешными. Они не опирались на необходимые для этого юридические и экономические факторы (Хасбулатов, 1994. С. 417).

Сохранялись и правовые проблемы. Так, Устав СЭВ был опубликован через 11 лет после его учреждения, в 1960 г. В нем, а также в других документах СЭВ права (полномочия) и обязанности (ответственность) не имели зачастую четких формулировок, не включали четкие обязательства и возможности стран (что стало серьезной проблемой по мере разветвления структуры СЭВ. К тому же органы управления СЭВ не имели сами по себе законодательной власти, что увеличивало и бюрократическую составляющую Совета, особенно в процессе усложнения его структуры (Кузнецов, 1978).

Все эти проблемы вели к падению эффективности социалистического международного разделения труда в рамках СЭВ и к утрате интереса в таком партнерстве.

В 1970-е гг. стабилизация политической ситуации в мире способствовала развитию торговли между Востоком и Западом, однако ее углублению препятствовали факторы институционального и технического порядка.

Одновременно в конце 1970-х — начале 1980-х гг. стали нарастать экономические и политические трудности в странах СЭВ, и эти государства стали делать попытки реформировать свою экономику на принципах свободного рынка.

Вместе с тем характерной производительность труда и капитала в европейской зоне СЭВ после короткого подъема во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. неуклонно снижался и в 1980-е гг. уже не повышалась, а падала. В западноевропейском же интеграционном комплексе наблюдался устойчивый, хотя и не без колебаний в периоды циклических спадов, рост совокупной производительности труда и капитала (см. табл. 4).

Таблица 4.

Среднегодовые темпы динамики производительности факторов производства, в %

Периоды	СЭВ (7 европейских стран)			ЕС (12 стран)		
	Производительность труда	Капиталоотдача	В целом	Производительность труда	Капиталоотдача	В целом
1961–1965	2,6	–2,2	0,4	4,5	–1,8	2,7
1966–1970	4,2	0,3	4,4	4,6	–0,8	3,8
1971–1975	4,7	–0,8	3,9	2,8	2,1	4,9
1976–1980	3,0	–2,6	0,4	2,6	0,9	3,4
1981–1987	1,8	–5,1	–3,3	1,8	1,1	2,9

Рассчитано по: Статистический ежегодник стран-членов СЭВ. М., 1971. С. 21–36; Economic Survey of Europe in 1990–1991. N.Y., 1991, p. 221, 229; European Economy. Annual Economic Report. 1993. No. 54. p. 191, 202.

Реформы политической системы СССР при одновременном ухудшении перспектив экономического роста, тяжелый экономический кризис, который переживали Польша, Венгрия, Болгария, политический кризис в Румынии предопределили тот факт, что в 1989 г. Совет Экономической Взаимопомощи, как координирующий и регулирующий механизм мировой социалистической системы, прекратил свое существование. Попыток модернизации СЭВ не было. Прекращение деятельности СЭВ означало одновременно и прекращение существования самой мировой социалистической системы.

«Так было ли экономическое взаимодействие стран-членов СЭВ экономической интеграцией? Лишь по одному признаку — по степени внешнеторговой взаимозависимости этих стран: на протяжении десятилетий доля их взаимной торговли (в европейском регионе СЭВ) была существенно выше удельного веса внутрорегиональной торговли в зоне ЕЭС. Даже на нисходящей стадии развития СЭВ в 1988 г. объем экспорта пяти

восточноевропейских стран — Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии и Румынии — в этот регион составлял 15,2% от их совокупного ВВП. В том же году у шести стран-основательниц ЕС аналогичный показатель составлял 10,5%. Таким образом, степень взаимозависимости национальных экономик в зоне СЭВ не уступала ее уровню в ЕС» (Шишков, 2001. С. 106–107).

В то же время распад СЭВ имел не столько экономические, сколько политические причины. Мировая социалистическая система потерпела крушение в результате реформ по демонтажу социальной и экономической систем и формированию рыночных структур, т.н. «бархатных революций» в 1989 г. в странах ЦВЕ и распада СССР в 1991 г.

Заключение

Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) как интеграционное объединение социалистических стран Центральной и Восточной Европы и государств других частей мира был учрежден в 1949 г. и функционировал до 1991 г. Он был призван путем объединения и координации экономик стран-членов содействовать дальнейшему углублению и совершенствованию сотрудничества и развитию социалистической интеграции. Факторами формирования СЭВ были как экономические (необходимость восстановления разрушенных в ходе Второй мировой войны национальных экономик, усиление экономических позиций в мире, наращивание промышленного производства и взаимной торговли, социальные аспекты), так и политические (борьба двух систем).

СЭВ имел как положительные, так и отрицательные результаты своей деятельности.

Позитивными результатами деятельности СЭВ были следующие:

– СЭВ способствовал выравниванию национально-территориальных диспропорций в ряде экономически отсталых стран и формированию в них относительно прогрессивной структуры промышленности (Румыния, Болгария, Польша).

– Международное социалистическое разделение труда и специализация производства давали ощутимые положительные результаты, особенно для тех стран, которые не могли самостоятельно строить крупные промышленные объекты (Болгария, Венгрия, Румыния) — вплоть до середины 1970-х гг.

– Более развитые страны СЭВ с большим успехом сотрудничали в торгово-экономической области, в том числе и в программах, реализуемых в «третьих» странах (Чехословакия, ГДР, Венгрия).

К негативным аспектам можно отнести низкий уровень экономической эффективности как результат применения нерыночных механизмов взаимодействия.

Игнорирование на практике общих закономерностей развития экономики и международных экономических отношений, НТР и транснационализации производства, искусственное конструирование модели «социалистического мирового хозяйства» как феномена, противостоящего мировой капиталистической экономике, — одна из главных причин глубокого экономического и политического кризиса и распада социалистического содружества.

При всех своих недостатках, СЭВ решил главную проблему и, соответственно, задачу — обеспечил восстановление экономик стран Центральной и Восточной Европы в послевоенный период без потери ими суверенитета, во многом обеспечив и нынешний базис их экономического развития.

Идеи социалистической экономической интеграции, как показывает время, имели много положительных и рациональных моментов, которые можно успешно адаптировать к современным задачам. Опыт социалистической экономической интеграции в рамках СЭВ может оказаться востребованным в современном мире в условиях, с одной стороны, роста глобальной нестабильности, а с другой — необходимости обеспечения устойчивости социально-экономического развития отдельных стран и регионов и поиска новых (или бывших ранее?) инструментов и механизмов для достижения этой задачи.

Список литературы

1. Богомолов О. Т. (1971) Развитие стран СЭВ по пути экономической интеграции // Коммунист. № 16. С. 83–90. [Bogomolov O. T. (1971) The development of the COMECON countries along the path of economic integration // Communist. No. 16. Pp. 83–90. (In Russian).]
2. Ван дер Вее. (1994) История мировой экономики. 1945–1990 (пер. с фр.). М.: Наука. [Van der Wee. (1994) History of the world economy. 1945-1990 (translated from French). Moscow: Nauka. (In Russian).]
3. Гибианский Л. Я. (2003) Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива / Отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М. С. 137–186. [Gibiansky L. Ya. (2003) Forcing the Soviet bloc policy. *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva*. N. I. Egorova, A. O. Chubarian (eds.). Moscow. Pp. 137–186. (In Russian).]
4. Гурский В. Л. (2019) Практика согласования промышленной политики стран-членов СЭВ на основе скоординированного комплексного планирования // Экономическая наука сегодня. № 10. С. 147–168. [Gursky V. L. (2019) The practice of coordinating the industrial policy of the CMEA member countries on the basis of coordinated integrated planning // Economic science today. No. 10. Pp. 147–168.]
5. Дашичев В. И. (2009) Неудавшиеся попытки реформирования Совета Экономической Взаимопомощи (К 60-летию создания СЭВ) // Социально-гуманитарные знания. № 5. С. 181–198. [Dashichev V. I. (2009) Failed attempts to reform the Council of Mutual Economic Assistance (To the 60th anniversary of the creation of the CMEA) // Socio-humanitarian knowledge. No. 5. Pp. 181–198. (In Russian).]
6. Жиряков И. Г. (2020) Зарождение западноевропейской экономической интеграции и создание СЭВ: общее и отличительное // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. Т. 11. № 3. С. 54–68. [Zhiryakov I. G. (2020) The origin of Western European economic integration and the creation of COMECON: common and distinctive // Locus: people, society, cultures, meanings. Vol. 11. No. 3. Pp. 54–68. (In Russian).] DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-3-54-68
7. Крюкова Н. В. и др. (1978) Некоторые теоретические проблемы социалистической экономической интеграции. М. 140 с. [Kryukova N. V. et al. (1978) Some theoretical problems of socialist economic integration. M. 140 p. (In Russian).]
8. Кузнецов В. И. (1978) СЭВ и «Общий рынок». Правовые проблемы. М.: Международные отношения. 192 с. [Kuznetsov V. I. (1978) COMECON and the "Common Market". Legal problems. M.: International Relations. 192 p. (In Russian).]
9. Максимова М. (1969) Экономическая интеграция: некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. № 5. С. 40–59. [Maksimova

М. (1969) Economic integration: some questions of methodology // World economy and International Relations. No. 5. Pp. 40–59. (In Russian.)]

10. Максимова М. М. (2007) К вопросу об отечественной теории интеграции // Мировая экономика и международные отношения. №6. С. 104–113. [Maximova M. M. (2007) On the question of the domestic theory of integration // World economy and International Relations. No. 6. Pp. 104–113. (In Russian).]

11. Мурашко Г. П. (отв. ред.) (1997) Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953 гг. Т. 1: 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. [Murashko G. P. (ed.) (1997) Eastern Europe in the documents of the Russian archives, 1944–1953 gg. Vol. 1: 1944–1948. Moscow, Novosibirsk, 1997. (In Russian).]

12. Осипов Е. А. (2018) СЭВ в 1956–1960 гг. Взгляд из Франции // Электронный научно-образовательный журнал "История". № 7 (71). С. 21. [Osipov E. A. (2018) COMECON in 1956–1960. A view from France // Electronic scientific and educational magazine "History". No. 7 (71). P. 21. (In Russian).]

13. Результаты трансформации в странах Центральной и Восточной Европы / Валева Т. Э., Волотов О. Г., Волотов С. О., Глинкина С. П., Дрыночкин А. В., Князев Ю. К., Копытина М. О., Кузнецова З. Н., Куликова Н. В., Лобанов М. М., Милованов В. С., Саморукова А. Н., Синицина И. С., Фейт Н. В., Чудакова Н. А., Шабунина В. И. (общественно-политический и экономический аспекты). Москва, 2013. 392 с. [Results of transformation in the countries of Central and Eastern Europe / Valeva T. E., Volotov O. G., Volotov S. O., Glinkina S. P., Drynochkin A. V., Knyazev Yu. K., Kopytina M. O., Kuznetsova Z. N., Kulikova N. V., Lobanov M. M., Milovanov V. S., Samorukova A. N., Sinitsina I. S., Faith N. V., Chudakova N. A., Shabunina V. I. (socio-political and economic aspects). Moscow, 2013. 392 p. (In Russian).]

14. Руднев В. Д. (2016) Экономическая интеграция: российская и европейская версии // Социальная политика и социология. Т. 15. № 4 (117). С. 35–42. [Rudnev V. D. (2016) Economic integration: Russian and European versions // Social policy and Sociology. Vol. 15. No. 4 (117). Pp. 35–42. (In Russian).]

15. Статистический ежегодник стран–членов СЭВ. М., 1971. [Statistical Yearbook of COMECON member countries, Moscow, 1971. (In Russian).]

16. Управление социалистической экономической интеграцией / И. А. Авдеев, В. С. Габолаев, В. Н. Гаврилов и др. М.: Наука, 1988. [Management of socialist economic integration / I. A. Avdeev, V. S. Gabolaev, V. N. Gavrilov, et al. M.: Nauka, 1988. (In Russian).]

17. Устав Совета Экономической Взаимопомощи // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 15. [Charter of the Council of Mutual Economic Assistance // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1960. No. 15. (In Russian).]

18. Филипенко А. С. (1985) Социалистическая интеграция и формирование международного хозяйственного комплекса стран–членов СЭВ. Киев: Вища школа. 166 с. [Filipenko A. S. (1985) Socialist integration and the formation of the international economic complex of the COMECON member countries. Kiev: Vischa school. 166 p. (In Russian).]

19. Хасбулатов Р. И. (1994) Мировая экономика. М.: ИНСАН. [Khasbulatov R. I. (1994) World Economy. M.: INSAN. (In Russian).]

20. Широков О. Н. (2006) Цели и функции СЭВ в начальный период развития // Вестник Чувашского университета. № 3. С. 64–70. [Shirokov O. N. (2006) Goals and functions

of CMEA in the initial period of development // Bulletin of the Chuvash University. No. 3. Pp. 64–70. (In Russian).]

21. Широков Ю. В. (2013) Историческая оценка проблемы становления восточноевропейского экономического блока в свете новых источников / Ю.В. Широков // Вестник Чувашского Университета. №4. С. 85–91. [Shirokov Yu. V. (2013) Historical assessment of the problem of the formation of the Eastern European economic bloc in the light of new sources / Yu.V. Shirokov // Bulletin of the Chuvash University. No. 4. Pp. 85–91. (In Russian).]

22. Ширяев Ю. С. (1972) Социалистическая экономическая интеграция. М.: Знание. 198 с. [Shiryayev Yu. S. (1972) Socialist economic integration. Moscow: Znanie. 198 p. (In Russian).]

23. Шишков Ю. В. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ? М.: НП III «Тысячелетие». [Shishkov Yu. V. (2001) Integration processes on the threshold of the XXI century. Why are the CIS countries not integrating? М.: NP III "Millennium". (In Russian).]

24. Economic Survey of Europe in 1990–1991. N.Y., 1991.

25. European Economy. Annual Economic Report. 1993. No. 54.

Council of Mutual Economic Assistance: lessons for modernity?

Ljudmila Vasilyevna Shkvarya

Dr Sc. (Economics), Professor of the Department of World Economy, Head. Laboratories of the World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

The article provides a retrospective analysis of the emergence and development of the integration association of socialist countries — the Council for Mutual Economic Assistance (COMECON), the interest in the activities of which is gradually reviving in Russia. The article shows the significant role of COMECON activities for the socio-economic development of the member countries of the association, which acted as its catalyst. Also, according to the author, the experience of socialist economic integration within the CMEA may be in demand in the modern world in conditions of, on the one hand, the growth of global instability, and on the other — the need to ensure the sustainability of socio-economic development of individual countries and regions and the search for new (or former?) tools and mechanisms to achieve this task. The author substantiates the point of view about the achievement of the main task of the CMEA — the speedy and successful restoration of the national economies of the countries of Central and Eastern Europe in the post-war period. The purpose of the article is a retrospective analysis of socialist economic integration as a process that took place within the framework of the Council for Mutual Economic Assistance (COMECON), its lessons and experience that can be extracted and adapted in one form or another for modern practice.

Keywords: *The Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), socialist economic integration, integration efficiency, integration principles, integration problems.*

JEL codes: B24, N14, N44, O19.